

ДИСКУСІЇ

Потанов В.В.

“НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ” АРХЕОЛОГИИ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ И НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ РЕШЕНИЯ ЭТИХ ПРОБЛЕМ

Резюме: Данная работа является ответом на критическую статью В.А. Подобеда, А.Н. Усачука, В.В. Цимиданова “Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века”, в которой подвергается сомнению правомерность выделения отрадненской культуры конца эпохи поздней бронзы, в том виде как это было ранее предложено автором в диссертационном исследовании и других работах. Большую часть памятников этого времени предлагается отнести к финальному периоду срубной культуры. Вследствие этого автор вынужден возвратиться к вопросу о культурной принадлежности погребальных памятников финальной бронзы Нижнего Дона, Предкавказья и Нижнего Поволжья и их внутреннего членения. Автор ставит своей задачей доказать, что выделенные группы/массивы, которые оппоненты предлагают рассматривать как принадлежащие разным культурам, являются обрядовыми группами одной, отрадненской культуры.

В статье анализируются предположения оппонентов о том, что южная ориентировка погребённых появляется на Нижнем Дону, Предкавказье и Нижнем Поволжье вместе с переселенцами из Зауралья, и о том, что к “отрадненской культуре” можно отнести только те захоронения, в которых умершие были уложены головой на юг.

Рассматривая круг археологических памятников эпохи финальной бронзы, автор не находит на территории левобережья нижнего Дона признаков миграции с востока.

Территории Подонцовья и Восточной Украины, на которых фиксируются возможные следы такой миграции (находки “восточной” керамической посуды), характеризуются отсутствием погребений с южноориентированными покойниками.

Сходство между погребениями I группы и предшествующими им срубными погребениями не настолько существенно, чтобы объединять их в одну (срубную) культуру, но позволяет говорить о генетической связи отрадненской культуры со срубной. Недостаточными представляются и основания для объединения захоронений I обрядовой группы отрадненской культуры с погребениями финальной бронзы Украины (ФБУ). Многие параметры погребального ритуала вкупе с морфологией и набором погребального инвентаря свидетельствуют о значительных отличиях этих погребений от отрадненских погребений I группы.

Ключевые слова: финальная бронза, Нижний Дон, Предкавказье, Украина, погребальные памятники, отрадненская культура, срубная культура, миграции.

Summary: The paper was written as a response to a critical essay written by V.A. Podobed, A.N. Usachuk and V.I. Tsimidanov (“Some debatable problems of archaeology of the South of Eastern Europe of the Bronze Age Ending”). The author of the paper returns to the question of cultural identity of funerary monuments in the territories of the Lower Don River, the Caucasus and the Lower Volga River. The author aims to prove the selected group/ arrays that offer opponents regarded as belonging to different cultural groups are the same ritual of one culture. They belong to a common culture, which is called “Otradnenskaia culture”. Having considered the assumption of opponents of the appearance of southern orientation characteristic for immigrants from the Trans-Urals region, and of the formation here “Otradnenskaia culture”. The author does not find in the south of the Don River territory any other such migration characteristics. The similarity between the burials of Group I and preceded of them the Timber Grave culture burials are not so substantial to combine them into a single culture, but lets us to talk about the genetic connection with the Otradnenskaia culture.

The author analyzes the arguments that southern orientation buried appears in the Lower Don, the

Caucasus and the Lower Volga region together with the intersection of the Trans-Urals, and that a "Otradnenskaia culture" include only those graves, where the dead were laid with head to the south. Considering the range of archaeological monuments of the Bronze Age Ending, the author finds the territory on the left bank of the lower Don evidence of migration from the East.

Territories of the Seversky Donets river's basin and Eastern Ukraine, where were recorded possible traces of this migration ("Eastern" ceramics finds), characterized by the absence of burials with the dead oriented to the south. The similarity between the burials of Group I and prefixed burial of Srubnaia culture is not so much to unite them into one culture, but lets us to speak about the genetic connection between the Srubnaia and the Otradnenskaia cultures.

The author considers insufficiently substantiated grounds for association burial ritual I Otradnenskaia of culture with the Final Bronze Age burials of Ukraine. Many parameters of funeral ritual, along with the morphology and a set of grave goods indicate significant differences between these burials of burials Otradnenskaia culture I group.

Keywords: *the Final Bronze Age, the Lower Don, the Caucasus, Ukraine, funerary monuments, Otradnenskaia culture, the Timber Grave culture, migrations.*

В мае 2010 года автор защитил кандидатскую диссертацию по теме: "Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья". Диссертация готовилась долго. Тема и содержание работы претерпевали изменения. Первоначально планировалось посвятить исследование предскифскому периоду Нижнего Дона в целом, а памятники т.н. "белозерского" этапа рассмотреть как субстрат предскифской культуры на Нижнем Дону. В итоге диссертация оказалась полностью посвящена эпохе финальной бронзы. Накопление материала уже в ходе написания этой работы, интерес к проблематике финальнобронзового периода других регионов юга Восточной Европы, нерешенность проблем культурной атрибуции и генезиса многих финальнобронзовых памятников и т.д. сделали актуальной тему исследования. У разных исследователей оформляются подходы к этим проблемам на макрорегиональном уровне. Автор сам вносит посильную лепту в дискуссию по проблемам финальной бронзы, опираясь, в основном, на материал степной части бассейна Дона. В той части диссертации, которая была посвящена автохтонным поздневаликовым памятникам Нижнего Дона, одними из ключевых моментов были анализ гипотез о культурной принадлежности этих памятников и обоснование выделения их в отдельную *отраденскую культуру*. Рассматривались две гипотезы: о срубной атрибуции поздневаликовых памятников и об их принадлежности белозерской культуре. Впрочем, последнюю можно рассматривать как часть общего представления о несрубном характере финальнобронзовых древностей на юге России и Восточной Украины. К моменту защиты диссертации у меня создалось впечатление, что эта тема в контексте дискуссии о верхней границе срубной культуры утратила свою злободневность. Действительно, практически перестали выходить исследования, в которых анализировалась эта проблема. В некоторых работах просто констатировался постсрубный характер финальнобронзовых памятников, как само собой очевидное. Но вышедшая статья В.А. Подобеда, А.Н. Усачука, В.В. Цимиданова [Подобед и др. 2012], в которой приведена новая аргументация в пользу высоких дат срубной культурно-исторической общности, а точнее срубная атрибуция финальнобронзовых памятников, заставила отбросить все сомнения по поводу актуальности моей работы.

Основные положения и итоги исследования донецких коллег сводятся к следующему:

1. Корректируется список финальнобронзовых погребений за счет привлечения неучтенных комплексов, во-первых, на территории Подонья, Предкавказья и Нижнего Поволжья, т.е., с территории, на которой мною была выделена отраденская культура, а во-вторых, за счет памятников Восточной Украины.

2. Пересматривается статус выделенных мною обрядовых групп (ОГ): вместо предложенных двух таких групп, в каждую из которых были отобраны погребальные комплексы с определенной ориентировкой погребенных и сходным набором заупокойного инвентаря, мои оппоненты, оперируя ориентировкой и положением погребенных на правом

или левом боку, выделяют четыре группы.

3. Проведя анализ выделенных ими групп, коллеги объединяют группы I-а и I-б в I массив, групп II-а и II-б во II массив, что в целом совпадает с предложенным мною делением на обрядовые группы. Главное отличие в том, что эти массивы интерпретируются как разнотипные.

4. Погребения I массива относятся авторами к срубной культуре, а за комплексами II массива они предлагают оставить статус отдельной культуры и за нею же оставить наименование “отраденская”. Эта культура лишается статуса автохтонной, и ее происхождение связывается с миграцией восточного, алексеево-саргаринского, населения.

В данной работе я попытаюсь, проанализировав аргументацию моих оппонентов, проверить обоснованность их концепции культурного наполнения доно-предкавказских степей в финальную бронзу и привести дополнительные доводы в пользу своей.

Начнем с источников. В Приложении 1 [Подобед и др. 2012, с. 231-233] приводится список опубликованных погребений белозерского времени, происходящих с территорий Подонья, Предкавказья и Нижнего Поволжья. Во многом он совпадает с тем набором погребальных комплексов, которыми я оперировал в своих работах. Но не полностью, поскольку он постоянно уточнялся. Последний вариант списка погребений финальной бронзы был мною приведен в диссертации, но не был опубликован.

– Из свода памятников мною при подготовке окончательного варианта диссертации были исключены перекрывавшие друг друга погребения № 1 и № 2 из кургана 2 могильника Прогресс [Труды НАЭ 1997, с. 29-30, рис. 29, 3, 4, 6] [20, 21]¹. Причина – недостаточность оснований для датировки. Единственная находка – глиняное биконическое пряслице – имеет достаточно широкие в хронологическом и культурном отношении соответствия. Не может служить основанием и южная ориентировка, широко распространенная в ранне- и среднесарматских погребениях. В это же время в степи встречается и скорченное положение погребенных [Шелов 1961, с. 90, табл. X, 2, 6; Стоянов 2002, с. 297-301].

– Комплекс из ст. Пятиизбенская (б. Савельевская) [22], упомянутый в исследовании В.В. Отрощенко и Н.П. Шевченко [Отрощенко 1987, с. 141], из-за недостаточной информации о погребении и найденных в нем предметах также не может быть использован. Из упомянутых предметов (две серьги и два браслета) опубликована лишь фотография одного массивного, круглого в сечении (?) браслета, с “обрубленными” несомкнутыми концами [ОАК за 1900 г., с. 96, рис. 168]. В то же время для белозерской культуры обычны браслеты с суженными концами, включая и находки из погребения Сивашовка 10/2, приводимые в качестве ближайших аналогий браслету из Савельевской балки [Отрощенко 1987, с. 134-136, 141, рис. 3, 1-4]. Похожие браслеты известны в меотских могильниках Прикубанья (см. напр.: [Лимберис 2012, с. 67, рис. 8, 10, 14, 16; Новичихин 2006, с. 65-66, рис. 99, 5, 6; 100, 3-6; 104, 1, 2]), относящихся к VI-V вв. до н.э.

– Если финальнобронзовая атрибуция приведенных выше погребений представляется недостаточно обоснованной, но не исключается, то принадлежность раннему железному веку погребения Рябичев 3-22 [24], как это и предлагает автор публикации, не вызывает сомнения [Парусимов 2009, с. 42, рис. 12, 7]. Конечно, форма сосуда напоминает финальнобронзовые кубки или кубковидные сосуды, но, отличается от них грубоватостью и толщиной стенок, массивным поддоном, иным стилем прорисовки орнамента.

– Округлобокий сосуд с высоким горлом из погребения 74 кургана 2 могильника Греки I [39] [Подобед и др. 2012, с. 207, 232, рис. 2, 5] (представленный в публикации фотографией [Сорокина 1985, с. 150, сноска 12, табл. 1, поз. 18, рис. 5, 4]), сопоставим с керамикой степного Предкавказья и Северо-Западного Кавказа начальных периодов эпохи бронзы [Шишлина 2007, с. 47, рис. 17, 2, 11; Корневский 2004, с. 26, рис. 43, 3; 48, 7].

¹ В косых квадратных скобках даны номера комплексов согласно Приложению 1 [Подобед и др. 2012, с. 231-233].

Немаловажно и то, что некоторые степные погребения, сопровождавшиеся посудой того же типа, и по многим деталям погребального обряда сходны с погребением Греки I-2-74 [Ильюков 2013, с. 175, 177, рис. 3; Потапов 2007, с. 119-120, рис. 3, 4].

– Из группы финальнобронзовых погребений Ставропольского края сомнение вызывает только погребение 31 Большого Ипатовского кургана [51] [Кореневский 2007, с. 37, рис. 22, 4, 5]. Во-первых, в погребении нет уверенно датирующего материала, а во-вторых, оно впущено в насыпь 10, тогда как все погребения из этого кургана, относящиеся к периоду финальной бронзы, впущены во рвы 3 и 9. По мнению А.А. Калмыкова, погребение 31 относится к группе комплексов переходного периода от средней к поздней бронзе [Кореневский 2007, с. 88, 113].

– Погребение Быково I-3-2 [58], содержало разрушенный костяк женщины, ориентированной в северном направлении, и два овальных в сечении браслета с заходящими друг за друга концами [Смирнов 1960, с. 176, рис. 4, 3, 4]. Финальнобронзовая атрибуция этого погребения, предложенная еще в конце 80-х годов [Отрощенко 1987, с. 141], была поддержана мною [Потапов 1997, с. 129]. Но, браслеты из прута, многие из которых имеют овальное сечение, встречаются в ранних и поздних покровских комплексах, а также в срубных памятниках Доно-Волжского междуречья [Лапшин 2006, с. 49, 93, 131, рис. 12, 6; 31, 17; 57, 11, 12]. Прутковые браслеты вместе с сурьмяными подвесками найдены в позднепокровских погребениях могильника Меркуловский IV, в бассейне р. Чир [Шарафутдинова 2011, с. 53-54, рис. 13, 6-9, 15-17, 26, 27]. Все это дает основание удревить рассматриваемое погребение.

– Не совсем ясно, какой комплекс имеется в виду под шифром “Иловатка, 3/2” [62]. У с. Иловатки располагались две курганные группы. В одной из них погребение 2 кургана 3 датируется автором раскопок IV-V вв. до н. э., на основании железного кинжала и богатого набора серебряных и бронзовых изделий [Смирнов 1959, с. 219-220, рис. 5, 6; 7, 1-10]. Погребение с тем же шифром из другой группы – покровское, о чем свидетельствуют обряд и находки [Смирнов 1959, с. 227-228, рис. 8, 4; 9, 3-6]. На указанной в ссылке странице помещено погребение Политотдельское-3-2 [Смирнов 1959, с. 234, рис. 11, 4; 13, 2, 3], о котором, скорее всего, и идет речь. Это погребение женщины, положенной слабоскорчено на правом боку, головой к северу, со следами деревянных конструкций в могиле. Инвентарь – на предплечьях два массивных браслета с заходящими друг за друга концами, согнутых из бронзового, овального в сечении, прута. Здесь же найдено полое височное кольцо, концы которого входят один в другой и пара кольцевидных пастовых бусин. Ранее я также относил этот комплекс к белозерскому времени [Потапов 1997, с. 128-129]. Но браслеты, аналогичные найденным в Быково I-3-2 и в других комплексах (см. выше), заставляют меня согласиться с А.С. Лапшиным, включившим погребение Политотдельское-3-2 в подборку раннепокровских погребений [Лапшин 2006, прил.: таблица 1, поз. 50].

– Финальнобронзовая атрибуция погребения 5 кургана 7 могильника Новый Рогачик [63] [Мамонтов 2010, с. 183] вызывает те же сомнения, что и атрибуция погребений из могильника Прогресс II. Сарматская принадлежность комплекса, отнесенного В.И. Мамонтовым к нестандартным погребениям, обосновывается наличием костей барана, мела и биконического пряслица. Впрочем, эти признаки не отрицают возможность и датировки погребения из Нового Рогачика периодом финальной бронзы. Во всяком случае, и это погребение следует пока вынести за скобки.

В предложенном списке присутствует группа погребений, датировка которых периодом финальной бронзы обоснована, но не может быть включена в выделенную мной отраденскую культуру:

– Погребение 11 кургана 10 могильника Михайловский [41] [Шарафутдинова 1988, с. 217-218, рис. 2, 5-7; 3]. Э.С. Шарафутдинова и В.Н. Каминский допускали кобяковскую принадлежность Михайловского могильника [Шарафутдинова 1988, с. 220; Шарафутдинова 1996, с. 95]. С открытием кобяковского некрополя [Ларенок 2001] появилась возможность

сравнить эти два памятника. Налицо элементы сходства – существенная доля ориентировки в южный и юго-восточный сектор, наличие правобочного положения, которое с учетом покойников, уложенных на спине, с повернутыми вправо ногами, составляет достаточно высокий процент, большое количество безынвентарных погребений и слабая насыщенность инвентарем. В пользу принадлежности Михайловского могильника кобяковской культуре свидетельствует находка на нем горшка, близкого некоторым кобяковским образцам (Шарафутдинова 1988, с. 219, рис. 2, 4). С другой стороны, существенны и различия: михайловские захоронения курганные, над ними отсутствуют заклады, существенна доля погребений, ориентированных на северо-восток и северо-запад, немало погребенных уложено на левый бок и на спину, доминирующие на Кобяково варианты положения рук почти не представлены, в погребениях присутствует керамика. Таким образом, и вопрос о кобяковской принадлежности погребений Михайловского могильника пока остается открытым.

– Петровский городок, погребения 4 и 5 [55, 56] [Тугушев, 2009, с. 95-96, рис. 8-12]. Эти погребения, также как и погребения из кургана 15 могильника Быково I, я, вслед за П.Е. Тугушевым, считаю возможным отнести к хвалынской (ивановской) культуре [Тугушев 2009, с. 96]. Сюда же следует добавить погребение из кургана 36 могильника “Горбатый мост”, расположенного на Волжском Правобережье, в Лысогорском р-не Саратовской обл.² и погребения 1 и 2 из грунтового могильника у с. Утевка [Колев 2000, с. 256, рис. 29, 1-4]. Все позднихвалынские погребения ориентированы в южный сектор, сильно скорчены, однако, в отличие от захоронений II обрядовой группы отрадненской культуры, в них, помимо керамики, найдены нож, кремневые и кварцитовые изделия. Важные отличия: все подкурганные позднихвалынские захоронения – основные, а посуда из погребений – кухонная и принадлежит тем же типам, что распространены и на поселениях хвалынской культуры.

– Погребения из кургана 15 могильника Быково I [59-61] [Смирнов 1960, с. 210-212, рис. 1, 1; 15, 11-14] (см. выше).

– Погребение Подгорный-5-1 [64] [Вальчак 1996, с. 30-31, рис. 5; 6, 3, 4; Мамонтов 1999, с. 52-53, рис. 3, 2; 2, 11-17] относится, наряду с Лукьяновским курганом, к группе элитарных финальнобронзовых погребений, нестандартный погребальный обряд которых и локализация у границ культурных образований позволяют лишь предполагать их культурную принадлежность.

Ряд погребений из списка мною ранее не учитывались, и благодаря статье моих оппонентов я смог включить их в свою подборку:

– Октябрьский I-1-1 [16] [Прокофьев 2004, с. 298, рис. 36, 1-4] ранее я относил, с определенной долей сомнения, к черноговорской культуре. Обратившись еще раз к этому комплексу, я счел возможным, на основании находки в нем бронзового шила, имеющего аналогии в памятниках эпохи поздней бронзы, удревить его и отнести к отрадненской культуре. Мои коллеги рассматривают костяные пряслица как предмет, характерный для финальнобронзовых комплексов, что вполне справедливо, но, ни разу не встреченный в достоверно предскифских погребениях, что, на мой взгляд, не совсем верно [Подобед 2012, с. 216]. Такие пряслица найдены в двух погребениях кургана у с. Рясни, сопровождавшихся крупными сосудами, бронзовыми иглами, а одно из них – и типично черноговорским железным ножом с горбатой спинкой [Гордин 1991, с. 36, 39, рис. 9]. В погребении Керчик-10-2 такое пряслице было найдено вместе с сосудом, снабженным желобком-сливом [Труды НАЭ, с. 9, рис. 18, 4, 7, 8]. Погребение Антонов I-4-7 [Мамонтов 1994, с. 32, рис. 3, 6; 7, 7], не содержало иного инвентаря, кроме пряслица, но положение погребенного вытянуто на спине головой к западу – обычно для позднечерноговорской группы погребений.

– Рассматриваемая статья положила конец моим колебаниям и в отношении комплекса

² Раскопки В.И. Тихонова в 2003 г.

Анапский I-2-3 [37] [Шарафутдинова 1991, с. 187, рис. 3, 4, 5], который также может быть включен в отрадненскую культуру.

– Было пропущено погребение Лебеди I-3-4 [40] [Сорокина 1985, табл. 1, рис. 3, 3] исследованное в Прикубанье. Несмотря на то, что в погребении нет надежно датирующего инвентаря, ориентировка и поза погребенного, положение рук, место расположения остатков мясной напутственной пищи у темени погребенного, свидетельствуют скорее об отрадненской атрибуции комплекса, нежели о черноголовской.

– К финальнобронзовым захоронениям Большого Ипатовского кургана, ранее учтенным мною, следует добавить безынвентарное погребение 4 [Корневский 2007, с. 31, рис. 17, 1], исходя из его стратиграфического и планиграфического единства с другими комплексами этого времени, вписанными с уровня позднейшей досыпки в ров № 3.

– Погребение Тростянка 8-1 [57] [Хреков 2005, с. 5, рис. 3], действительно, приобретает статус маркера северо-восточной границы отрадненской культуры [Подобед и др. 2012, с. 222-224]. В пользу датировки его периодом финальной бронзы свидетельствуют найденные в нем каменные и пастовые бусы. Найденные здесь нашивные бляшки близки изделиям, происходящим из памятников маклашеевской культуры, что подчеркивает и автор публикации [Хреков 2005, с. 5], а также из степных комплексов, связанных с этой культурой [Потапов 2002, с. 215, 216, рис. 19, 20, 25]. Маклашеевские аналогии тем более уместны, что в районе, где располагался Тростянский курган, известны поселенческие материалы этой культуры [Хреков 2003, с. 108-111, рис. 9-13]. Вместе с тем, находка баночного сосуда в стороне от погребения (“в 0,5 м к северу от черепа” [Хреков 2005, с. 5]) вряд ли может свидетельствовать о его финальнобронзовой принадлежности, тем более что баночные сосуды классического срубного облика не известны пока в надежно датированных степных погребениях этого периода.

И, наконец, группа погребений, относящихся, по моему мнению, к финальной бронзе, не была учтена в работе донецких коллег:

– К финальной бронзе отношу погребение Западенский 1-3 [Беспалый 2002, с. 111, рис. 2, 1, 3] (рис. 1, 1, 2) – отсюда происходит богато орнаментированная усеченно-коническая баночка-стакан, аналогии которой известны на бондарихинских поселениях Бондариха [Ильинская 1961, с. 29, рис. 2, 9] и Таранцево [Берестнев 1994, с. 130, рис. 4, 7].

– Погребение Новопалестинский II-5-7 (рис. 1, 11-15) мы, вместе с А.А. Калмыковым, отнесли к самому началу раннего железного века [Калмыков 2004, с. 108]³ на основании находки однолезвийного ножа со слабоизогнутой спинкой, выступом у острия, которое было слегка загнуто вверх и клиновидный черешком, отделенным от лезвия уступом. Мы усмотрели аналогии этому ножу в находке из Николаевского протомеотского могильника [Анфимов 1961, с. 117, табл. III, 7]. Но на самом деле круг типологических соответствий ножу из Новопалестинского несколько шире. Ножи с загнутым вверх острием выделены В.И. Козенковой в III тип ножей западного варианта кобанской культуры. Из трех экземпляров этого типа два, изготовленные из бронзы, найдены в гробнице 1 Эшаконского могильника, датируемой XII в. до н.э. и в погребении 1 Инжиччукунского могильника, дата которого не позднее начала I тыс. до н.э. [Козенкова 1998 с. 9, табл. I, 17, 18]. Обломок ножа такого же типа обнаружен в гробнице 2, датируемой XII-X вв. до н.э., могильника кобанской культуры Терезе [Козенкова 2004, с. 112-113, 141-147, табл. 24, 14]. Терезинский нож сходен с новопалестинским и оформлением спинки. Следовательно, однотипные новопалестинскому ножи появляются на Северном Кавказе уже в XII в. до н.э. и продолжают использоваться в начале эпохи раннего железа. Более узкую дату дает нам набор украшений. Во-первых, это бляшка-пуговица, отлитая вместе со стержнем, загнутым позднее в петлю на

³ Это погребение в позднейших моих работах датируется финальной бронзой [Потапов 2010, с. 155-156, рис. 320; Потапов 2011, с. 36], но без развернутой аргументации, предложенной в данном абзаце.

обороте. Аналогичным образом изготовленные бляшки известны только в погребениях финальной бронзы [Потапов 2007, с. 271-272]. Во-вторых, это височное кольцо, согнутое из бронзовой рифленой полоски в 1,5 оборота. Датировка финальнобронзовым периодом пластинчатых рифленых височных колец уже обосновывалось автором [Потапов 2010, с. 155-157]. Еще один аргумент в пользу такой датировки этого погребения – находка в нем пастовых бус [Подобед и др. 2012, с. 216].

– Погребение Ипатово 3-2-161 [Корневский 2007, с. 46-47, рис. 33, 2-6] отличается от большей части финальнобронзовых погребений этого кургана северо-восточной ориентировкой погребенного и маловыразительным в хронологическом отношении инвентарем. Однако, для финальнобронзовых и, в меньшей степени, для раннечерногоровских погребений характерно в некоторых случаях положение в могилу кремня и серы. И, что немаловажно, этот комплекс соответствует планиграфическим и стратиграфическим критериям погребений финальной бронзы этого кургана [Корневский 2007, с. 113].

Часть погребений не издана:

– Аюта 1-16 (Ростовская обл., Октябрьский р-н, раскопки В.В. Яценко в 2006 г.) (рис. 1, 3, 4). Погребенный был скорчен на левом боку, черепом к востоку. Слева от головы был поставлен кубковидный сосуд. Шаровидное тулово, уступ на плечиках, округлое дно сближают его с белозерскими кубками (напр.: [Отрошенко 1986, рис. 38, 2, 40, 17; Евдокимов 1987, рис. 1, 7, 10, 2, 2; Ванчугов 1990, с. 66, рис. 29, 12, 13, и др.]). С другой стороны, сосуд из Аюты крупнее белозерских кубков, тесто грубее и поверхность обработана менее качественно, чем на белозерской столовой посуде. Очевидно, этот сосуд изготовлен как подражание кубкам белозерской культуры. Это подтверждается и орнаментом – прочерченными вертикальными линиями по плечикам и тулову, явно имитирующим характерные для белозерской столовой посуды вертикальные каннелюры [Ванчугов 1990, с. 71, рис. 21, 15; 22, 4, 5; 29, 14; 32, 3].

– Отрадный II-23-2 (Ростовская обл., Багаевский р-н) [Саяпин 1991] (рис. 1, 5, 6). Скорченный на левом боку и уложенный головой на юго-восток погребенный сопровождался лепным, сравнительно тонкостенным сосудом, от которого сохранились лишь часть дна и придонных стенок. Тонкостенность сосуда, несмотря на то, что качество глиняного теста и обработки поверхности несколько хуже, чем у лучших образцов столовой отраденской посуды, (см. напр.: [Потапов 2000, с. 62, рис. 1, 3]), убеждает в верности предлагаемой хронологической и культурной атрибуции и в необходимости присоединить его к опубликованным ранее трем финальнобронзовым погребениям этого же могильника [Потапов 2000, с. 62-69, рис. 1-3].

– Южный 2-5 (Ростовская обл., Сальский р-н) [Горбенко 1974]. Погребенный ребенок скорчен на левом боку, головой на юго-восток. У черепа перед лицевыми костями стоял сосуд с частично сохранившейся верхней частью. Сосуд близок некоторым кобяковским кухонным формам [Шарафутдинова 1980, табл. I, 1, II, 11, VII, 12]. Близкая посуда представлена в погребениях Батуринский I-9-10 [Шарафутдинова 1991, с. 187, рис. 3, 3] и Михайловский 11-8 [Шарафутдинова 1988, с. 216-217, рис. 2, 4].

– Орловский I-1-12 (Ростовская обл., Орловский р-н) [Яценко 1998, с. 44-45, рис. 200-207] (рис. 1, 7-10). Костяк мужчины 35-40 лет был уложен скорченно на левый бок, с завалом на живот, и ориентирован головой на северо-восток. В погребении обнаружены: пластинчатое височное кольцо, согнутое в 1,5 оборота; фрагмент острия обоюдоострого ножа; отщеп непрозрачного кремня.

– Золотаревка 6-6-1 (Ставропольский край, Ипатовский р-н) [Бабенко 2000]. Скорченный на левом боку головой к юго-востоку погребенный сопровождался тремя кусками кремня, найденного вместе с серой, и фрагментами пластинчатых височных подвесок с перехватом в верхней части, аналогичных найденным в погребении Ипатово 3-2-5 [Корневский 2007, с. 32, рис. 17, 5, 7].

– Ипатово 3-5-1 (Ставропольский край, г. Ипатово, раскопки А.А. Калмыкова 2003 г.). Дата погребения определяется находкой обломка черешкового ножа-кинжальчика с параллельными лезвиями.

– Буйвола 1-4-7 (Ставропольский край г. Буденновск) [Березин 1998, с. 54-55, рис. 181-183]. Погребение со скорченным костяком, ориентированным на север, определяется пластинчатыми височными подвесками с “перехватом” и стеклянной бусиной.

– Джангр 9-8 (Республика Калмыкия, Октябрьский р-н) [Николаева 1985а]. Погребение, содержавшее слабоскорченный ничком костяк человека⁴, уложенного головой к востоку, датируется ножом с параллельными лезвиями.

– Улан-Толга 4-5 (Республика Калмыкия, Октябрьский р-н) [Николаева 1985б]. Погребенный плохо сохранился – очевидно, что он был скорчен на правом боку и ориентирован головой к северо-востоку. Датируется погребение каменным оселком с желобком для подвешивания. Такие изделия встречаются редко, но на обширной территории, и всегда связаны с одним хронологическим пластом – финальной бронзой. [Евдокимов 1999, с. 99, рис. 2, 12; Горбов 1995, с. 62, рис. 1, 4; Смирнов 1960, с. 211, рис. 15, 11; Агапов 1976, с. 122, рис. 18, 4; Потемкина 1985, с. 70, рис. 18, 6; Зданович 1988, с. 66-67, рис. 3,3; Черников 1960, с. 37, табл. XXVII, 1; Матвеев 2001, с. 213, рис. 49; Заднепровский 1962, с. 33, табл. XXIX, 2, XXX, 6; Литвинский 1962, с. 283, табл. 116, 2; Литвинский 1972, с. 33-34, табл. 5, 7].

– Кривая Лука XXXIV-2-3 (Астраханская обл. Черноярский р-н) [Дворниченко 1981]. Погребенный ребенок был уложен на левый бок, головой к югу, с небольшим отклонением к востоку. При нем был обнаружен округлодонный кубковидный сосуд, с высоким горлом и уступом в основании плечиков.

– Садовый 2-19 (Краснодарский край, Курганинский р-н) [Беглова 2005, с. 35]. При погребенном, скорченном на левом боку и ориентированном головой к востоку, была найдена бляшка-пуговица, отлитая со стерженьком, загнутым в петлю.

– Усть-Джегута 32-17, исследованное в кургане недалеко устья реки Джегута (Карачаево-Черкесия Усть-Джегутинский р-н) [Нечитайло 1964, рис. 34] (рис. 1, 18-21), датируется обломком пластинчатого височного кольца и бляшкой-пуговицей с маленькой петелькой и щитком, плакированным золотом.

Погребения из уточненного списка, насчитывающего теперь 65 комплексов (см. Приложение 1 к настоящей статье), распределены по тем же группам, которые предложены моими оппонентами [Подобед и др. 2012, с. 200-201]. Кроме того, в него включены погребения, не входящие в группы. Принцип распределения по группам – в зависимости от ориентировки скорченных погребенных в определенный сектор⁵ и положения на левый или правый бок, несколько изменен. В основу выделения групп взяты ориентировка погребенных, а подгруппы выделяются на основании положения их на левый (подгруппа А) или правый (подгруппа Б) бок.

Подгруппа I-A, где погребенные были уложены на левый бок и ориентированы в восточный сектор, включает абсолютное большинство всех комплексов – 40. Исходя из предложенного критерия выделения степеней скорченности [Подобед и др. 2012, с. 201], в подгруппе I-A из 38 определимых случаев в группу слабоскорченных отнесены 8 погребений (21%), в группу среднескорченных – 18 погребений (48,5%), а к группе сильноскорченных мы можем отнести 12 погребений (31,5%). Выделены пять вариантов положения рук погребенных (см. приложение 3): I – согнуты в локтях, кисти перед лицом/грудью – 13

⁴ Не исключено, то, что погребенный первоначально был уложен на левый бок (череп покоится на левом виске), а затем завалился на грудь.

⁵ Не до конца ясен принцип распределения по ориентировкам. Для первой группы (ориентировка в восточный сектор) он составляет 90° (диапазон 45-135°), для второй (южный сектор) – 50° (диапазон 155-205°). Не понятен не только принцип определения секторов, но и “пробел” между этими диапазонами, составляющий 20°.

захоронений из 29 (44,8%), где удалось установить положение обеих рук; II – одна рука согнута как в предыдущем варианте, кисть другой – у ее локтя или предплечья – 2 случая (6,9%); III – руки прямые или слегка согнуты в локтях и направлены кистями в сторону бедер или голеней – 3 случая (10,35%); IV – одна рука вытянута как в предыдущем варианте, другая согнута в локте таким образом, что она пересекает локоть предыдущей руки, или же направлена кистью к нему – 5 случаев (17,25%); V – одна рука согнута как в первом варианте, другая или направлена к коленям, или отставлена от корпуса под углом, близким к прямому – 3 случая (10,35%). Еще 3 погребения отнесены к единичным вариантам положения рук (10,35%). В погребениях зафиксированы остатки мясной напутственной пищи, которыми сопровождалось 10 (25%) погребений подгруппы, кремневые предметы, которые нередко (в шести случаях (15%) из девяти (22,5%)) встречены вместе с серой. В девяти погребениях этой группы обнаружена керамическая посуда (20%), в четырнадцати – бронзовые ножи (35%). Украшения – височные подвески, бусы, различные бляшки, пронизи и т.д. – встречены в 25 погребениях, что составляет 62,5% погребений группы (см. приложение 4).

Подгруппа I-Б насчитывает 8 комплексов, где погребенные, ориентированные, как и в предыдущем случае, в восточном направлении, были уложены на правый бок. У семи из них устанавливается степень скорченности⁶: слабоскорченных 2 (28,5%), среднескорченный 1 (14,25%), сильноскорченных 4 (57,25%). Положение рук установлено у всех погребенных подгруппы (см. приложение 3). В половине случаев оно соответствует варианту I (50%), варианты II и IV представлены единичными случаями (по 12,5%), а вариант V – двумя (25%). Кости животных найдены в одном погребении (12,5%), в двух обнаружено сочетание кремня и серы (25%). Сосуды и бронзовые ножи – встречены в двух погребениях (по 25%), а украшения – в трех (37,5%) (см. приложение 4).

Я, как и коллеги [Подобед и др. 2012, с. 203-204], не усматриваю культурных различий между группами/подгруппами I-A и I-Б. Более того, замеченные различия, с учетом корректировки содержания различных групп и значительного несовпадения количества анализируемых комплексов, можно рассматривать в рамках статистической погрешности: близки значения доминирующих вариантов положения рук, сопряженности кремня и серы в могилах, не радикально отличаются показатели присутствия других, распространенных в целом в группе I, категорий инвентаря: керамики, ножей, украшений. Отмечено, что большая часть погребений подгруппы I-Б, то есть тех, где погребенные были уложены на правый бок, тяготеют к Предкавказью [Подобед и др. 2012, с. 202]. Состав погребений этой подгруппы почти не изменился – погребение 31 из Ипатовского кургана было заменено погребением Улан-Толга 4-5. Все же считать правобочное положение характерной особенностью предкавказских погребений на этом основании вряд ли возможно. Скорее всего, можно поставить вопрос об определенном биритуализме – сочетании правобочного и левобочного положений. Это наглядно прослеживается на материалах курганов, содержавших более одного финальнобронзового погребения, где покойники были уложены как на левый бок, так и на правый [Березин 1998, с. 59-60, 71-72, рис. 9, I; 21, I; Кореневский 2007, с. 31-34, 42-43, 46-47, рис. 17, I, 2; 18, I, 5; 19, 3, 6; 28, 5, 33, 2], кроме того, положение на левом боку отличает и многие другие предкавказские погребения.

Итак, группу I, помимо восточной ориентировки и скорченного положения на боку, характеризуют такие обрядовые детали как преобладание среднескорченной позы погребенных (19/42,25%), над сильноскорченной (16/35,5%) и слабоскорченной (10/22,25%), преобладающее положение рук согнутыми в локтях перед лицом или грудью (44,75%), положение в могилу напутственной мясной пищи (11/22,9%) и кремня вместе с серой (10/20,8%), а также наиболее распространенные категории погребального инвентаря: различные украшения (28/58,3%), ножи (16/33,3%). Глиняная посуда встречена в 11 погребениях (22,9%). Из других категорий находок встречены бронзовые шилья 4 (8,3%) и

⁶ У костяка из погребения Улан-Толга 4-5 отсутствуют бедренные кости.

иглы 2 (4,1%), костяные пряслица 3 (6,25%), дважды в этой группе встречались костяные стрелы, каменные оселки, овечьи астрагалы (по 4,1%).

Согласно подсчетам коллег, каждая из подгрупп группы II насчитывает по шесть погребений [Подобед и др. 2012, с. 201]. В моей версии состава групп в подгруппе II-A остается шесть погребений, а в группе II-B – три. Отметим, что особых отличий в инвентаре между группами нет. Да и при такой небольшой выборке их следует принимать во внимание с осторожностью. В целом же группа состоит из девяти погребений, в которой погребенные были ориентированы головой в южный сектор, трое были уложены на правый бок и шестеро на левый. Преобладает сильноскорченное положение, зафиксированное в пяти погребениях (55,6%), в остальных четырех случаях (44,4%) степень скорченности – средняя. Положение рук прослежено в семи случаях (см. приложение 3): преобладает положение по варианту I – 3 случая (43%), варианты II и V встречены по одному разу (14,3%), вариант III – дважды (28,6%). Каждое третье погребение сопровождалось костями животных, в 7 погребениях (78%) найдены глиняные сосуды, дважды (22,2%) найдены костяные пряслица, и в одном случае – каменный оселок (см. приложение 4).

Мои оппоненты, сравнивая погребения I и II групп, приходят к следующим выводам [Подобед и др. 2012, с. 204-205]:

1. “В массивах сильно различается соотношение полов погребенных. При этом в массиве I преобладают мужчины, а в массиве II – женщины”.

– По моим подсчетам, в группе I – 13 (27%) мужчин и 5 (10,5%) женщин, что, казалось бы, действительно соответствует изложенному выводу. Но в группе II, с учетом корректировки ее численности и состава, достоверно⁷ определена половая принадлежность только трех погребенных – 1 (11,1%) мужчина и 2 (22,2%) женщин (см. приложение 5), что, на мой взгляд, не дает оснований для столь определенных выводов. Кроме того, к разряду культурных особенностей вряд ли следует относить гендерные различия погребенных.

2. “Погребения массива I чаще всего впускались в южную половину кургана, а погребения массива II – в северную. Кроме того, серия погребений массива I была впущена в центральную часть кургана. В массиве II такие погребения нам неизвестны”.

– Действительно, в новейших исследованиях учет расположения могил в том или ином секторе кургана дает убедительные результаты [Литвиненко 2006, с. 168-169, 174, рис. 5] и может, в ряду прочих характеристик, рассматриваться как культурная особенность. Но в нашем случае это, пожалуй, делать преждевременно. Дело в том, что пока речь идет о тенденции: погребения первой группы чаще впускались в южную часть кургана, а второй – чаще в северную часть. Кроме того, публикации, а порой и отчеты не дают нам полной информации о планиграфической позиции того или иного комплекса. Может быть, коллеги обладают более полной информацией, чем я. Во всяком случае, у меня недостаточно данных для того, чтобы проверить это утверждение.

3. “В массиве I удельный вес захоронений с положением умерших на левом боку значительно выше, чем в массиве II”.

– По откорректированным данным это действительно так, особенно если отказаться от слова “значительно”: доля комплексов, содержащих покойников, уложенных на правый бок, составляет 17% и 33% в I и II группах, соответственно. Но при этом нельзя не учитывать, что треть правобочных погребенных II группы найдены всего в 3 комплексах, а одна шестая таких же погребенных I группы – в 8. Следовательно, любое изменение той или иной части II группы может радикально изменить соотношение этих категорий погребений в группах.

4. “Хотя в обоих массивах численно доминируют захоронения с сильной и средней

⁷ Я пользовался половозрастными определениями, приведенными в публикациях и отчетах. Значительная часть из них, к сожалению, не содержит ссылок на специалистов – авторов этих определений. Кроме того, из 65 погребений, половая принадлежность погребенных указана лишь в 21 случае.

скорченностью, в массиве I удельный вес погребений со слабой скорченностью намного выше, чем в массиве II”.

– Здесь, как и в предыдущем случае, следует учитывать значительное несоответствие количества погребений в группах. Но вывод коллег кажется здесь вполне обоснованным. В группе I преобладают среднескорченные погребенные (19 погребений), им несколько уступают сильноскорченные (16), а на последнем месте (10) – слабоскорченные. В группе II – 5 погребений сильноскорченных и 4 среднескорченных. Таким образом, для погребенных с южной ориентировкой в целом характерна тенденция к сильной и средней скорченности, а для погребенных с восточной ориентировкой заметна обратная тенденция – к ослаблению скорченности.

5. “В обоих массивах численно преобладают комплексы, где руки погребенных были согнуты под острым углом, однако частота встречаемости данного знака в массиве II намного выше. То же касается и знака “руки вытянуты вдоль тела”. Добавим, что в массиве I положение рук куда более разнообразно, чем в массиве II”.

– Доля погребений, содержащих покойников с руками, согнутыми в локтях перед лицом или грудью, практически одинакова в обеих “массивах”⁸: в I-м удельный вес этого варианта положения рук незначительно выше, чем во II (45% против 43%).

6. “В погребениях массива I значительно реже, чем в погребениях массива II, встречены кости животных и сосуды. В то же время, в комплексах массива I выявлены фрагменты керамики, что для массива II не характерно”.

– Кости животных в группе I найдены в 11 могилах (т.е. в 23% погребений), а в группе II – в 3 случаях (33%). Вряд ли такое соотношение можно считать показательным. Что же касается погребений с сосудами, то действительно, доля их в группе I на порядок ниже: 27,5% против 78%. Но в абсолютном исчислении погребения с сосудами первой группы (11 случаев) преобладают над второй (7). Фрагменты керамики присутствуют только в двух погребениях группы I – Ипатово 2-8 и Ипатово 2-34 (см. приложение 4).

7. “Совпадения в категориях погребального инвентаря между двумя массивами минимальны (сосуды, пряслица, оселки, куски мела). При этом в массиве I не встречены глиняные пряслица, а удельный вес захоронений с пряслицами намного ниже, чем в массиве II. Намного ниже в массиве I и процент погребений с сосудами”.

– Керамические пряслица в моей версии состава групп, после исключения из списка погребений могильника Прогресс, отсутствуют вовсе. Костяные пряслица в группе II происходят из двух захоронений (22%), в группе I – из трех (6,25%). Но выборка для их сравнения не очень надежна, тем более, что за пределы групп выведены еще два погребения, содержавшие пряслица: Кастырский VII-1-15 и Холодный I-1-1 (см. приложение 4). Выше уже говорилось о соотношении доли погребений с посудой в группах.

8. “В массиве I довольно велик удельный вес захоронений с украшениями, в массиве II таких захоронений нам неизвестно, и это тем более удивительно, что в последнем массиве необычайно высок удельный вес женских захоронений”.

– Могу только прокомментировать, что это наблюдение, наряду с другими и помимо разницы в ориентировке погребенных, послужило основанием для выделения мною обрядовых групп.

Кроме того, авторы склонны ограничить сходство между этими группами признаками, которые они относят к надкультурным [Подобед и др. 2012, с. 205]. Такие признаки, действительно, имеют место, но без учета культурного контекста, такой взгляд представляется несколько поверхностным. Например: “И для массива I, и для массива II характерны впускные в курганы захоронения”. Это, действительно, так. Но если это явление надкультурное, то оно должно в той же или в близкой мере повторяться и за пределами

⁸ Для подсчета учитывались только погребения, где было установлено положение обеих рук погребенных.

дискутируемого культурного контента, во всяком случае, в соседних, заведомо инокультурных, памятниках. Ближайшие погребения относятся к нижнедонскому локальному варианту кобяковской культуры. Достоверно выявленные погребения этого варианта не впущены в курганы, но образуют грунтовый могильник [Ларенок 2002; Ларенок 2013, с. 253-254]. Захоронения белозерской культуры образуют грунтовые, курганно-грунтовые, а также курганные могильники или отдельные курганы, насыпанные над погребениями этой же культуры [Отрощенко 1986, с. 126-130; Ванчугов 1990, с. 46-49]. Впущенные в более древние курганы отдельные белозерские погребения – исключение [Агульников 1999; Отрощенко 1987, с. 132-133, рис. 1, 3-7]. На востоке рассматриваемая культура соседствует с памятниками хвалынской культуры общности валиковой керамики (ОКВК), представленной, главным образом, поселениями. По моему мнению, к этой культуре следует отнести восемь погребений, о которых я уже упоминал выше: три погребения из кургана 15 могильника Быково I, одно погребение из кургана 36 могильника “Горбатый мост”, два погребения из “Петровского городка”, погребения 1 и 2 из грунтового могильника у с. Утевка. Среди них погребения из Быково I и “Горбатый мост”, бесспорно, основные, утевские – бескурганные (грунтовые). Можно допустить, что погребения из “Петровского городка”, перекрытые слоем XVII-XVIII вв., были приурочены первоначально к курганной насыпи, уничтоженной при строительстве русского городища. Но, даже в этом случае, не факт то, что эти погребения были впускными: погребения 4 и 5 – это наиболее древние комплексы, найденные в раскопе [Тугушев 2010, с. 93-97, рис. 3-12], а других кандидатов на роль основных погребений здесь нет. Но на самом деле, не так уж и важно, были ли погребения из “Петровского городка” впускными, основными или вообще грунтовыми – в любом случае, т.н. надкультурный признак – “впускной характер погребений”, применимый в полной мере к I и II группам финальнобронзовых погребений степных районов Дона и Предкавказья, не может характеризовать очерченный круг хвалынских (ивановских?) погребений. В Приуралье, по свидетельству А.В. Епимахова, из 30 погребений финальной бронзы только “пять погребений совершены на территории поселений, либо впущены в курганы более раннего времени” [Епимахов 2010, с. 41]. Таким образом, можно констатировать, что признак “впускной характер погребений” среди перечисленных культур применим только для рассматриваемых I и II групп доно-предкавказских финальнобронзовых погребений. Во всех остальных случаях впускные погребения, даже там, где они присутствуют, составляют абсолютное меньшинство по отношению к остальным видам погребений.

Другой надкультурный признак заключается в том, что “и в I, и во II массивах встречаются захоронения, где умершие были положены как на левом, так и на правом боку”. Опять, же важен контекст: положение покойников на левом боку в обеих группах преобладает над положением на правый бок (5:1 в I группе и 3:1 во II группе). И это фактор, объединяющий обе группы. Он тем более важен, что его “надкультурность”, как и в предыдущем случае, есть относительной. В кобяковских погребениях умерших укладывали преимущественно на правый бок⁹. В белозерских могилах правобочное положение встречается несколько чаще, нежели левобочное [Отрощенко 1986, с. 131; Ванчугов 1990, с. 51]. В Поволжье те хвалынские погребения, в которых удалось определить положение костяка, дают нам соотношение 1:1 правобочных и левобочных¹⁰ погребенных. В погребениях Зауралья доминирует правобочное положение покойников [Епимахов 2010, с. 43].

⁹ В одном случае, погребение 50 (1999 г.), костяк был разрушен настолько, что его положение установить не удалось, а в другом, погребение 267 (2000 г.), умерший был уложен на спину [Ларенок 2013, с. 35, 190-191, табл. 23, I, 2; 121, 2].

¹⁰ Все погребенные, найденные на левом боку, происходят из кургана Быково I-15 [Смирнов 1960, с. 210-212].

Третий объединяющий обе группы “надкультурный” признак: “В обоих массивах руки погребенных чаще всего были согнуты в локтях под острым углом”. Таких погребенных в каждой группе около 45% от числа костяков с прослеженным положением рук. Это положение рук, действительно, было распространено в эпоху поздней бронзы, но в финальную бронзу, как мы видим на примере I и II групп, не являлось единственно возможным. Так, в кобяковских погребениях такое положение характерно только для 5 погребений из 25 [Ларенок 2013, с. 55, 57-58, 65-66, 76-77, 155, табл. 35, 3; 36, 9; 41, 1; 48, 4; 99, 1], где установлено положение рук (20%); руки были согнуты перед грудью – в двух из пяти информативных погребений, исследованных в Поволжье [Смирнов 1960, с. 211; Тугушев 2009, с. 96, рис. 11]. Что же касается зауральских комплексов, статистика положения рук в работе А.В. Епимахова не приводится, однако, судя по иллюстрациям, положение рук согнутыми под острым углом в локтях не является самым распространенным [Епимахов 2010, рис. 2, 4].

Скорченность, в целом, действительно, является надкультурным признаком, широко распространенным в степи и лесостепи в эпоху бронзы. Конечно, можно оперировать таким параметром, как степень скорченности, но выше мы уже согласились с тем, что сравнение групп по степени скорченности указывает на их различие, на мой взгляд – различие между двумя обрядовыми группами.

В остальных же случаях, рассмотренных выше, контекст “надкультурных” признаков применительно к группам/массивам I и II указывает именно на их близость между собой. Но есть и другие признаки, объединяющие эти группы:

- Совпадает не только основной, I вариант положения рук – “руки согнуты перед лицом или грудью”, но и другие, менее распространенные, варианты. Так, II вариант – “одна рука согнута перед лицом или грудью, кисть другой – у ее локтя или предплечья” – представлен в трех погребениях I группы (8%) и в одном погребении II группы (11%); III вариант – “руки прямые или слегка согнуты в локтях и направлены кистями в сторону бедер или голеней” – в I группе также встречен в 3 случаях (8%) и в двух – во II (22%); V вариант – “одна рука согнута перед лицом или грудью, другая или направлена к коленям, или отставлена от корпуса под углом, близким к прямому” – трижды (8%) отмечен в группе I и один раз – в группе II (см. приложение 3).

- “Срубная” традиция располагать сосуд перед лицом или лбом погребенного встречена в семи погребениях I группы, что составляет 64% от погребений этой группы, содержащих глиняную посуду, и в пяти комплексах II группы (71%).

- При анализе культурной принадлежности обеих групп необходимо учитывать, помимо погребального обряда, и другие составляющие материальной культуры и, в первую очередь, керамику. Авторы приходят к тому заключению, что посуда из погребений имеет аналогии, в основном, в других культурах этого времени. Кроме того, они считают что “кобяковская культура являлась основным «донором», от которого население, оставившее погребения массивов I и II, заимствовало типы погребальной керамики” [Подобед и др. 2012, с. 209].

Считаю необходимым высказать ряд соображений по поводу керамики, найденной в погребениях, связываемых мною с отрадненской культурой.

Во-первых, в ряде случаев можно уверенно говорить, что заимствовались не сами сосуды, а морфология и, может быть, в некоторых случаях технология производства этих форм. Например, кубковидный сосуд из Аюты (рис. 1, 2). С другой стороны, в некоторых случаях возможно и прямое заимствование (импорт) отдельных форм. Сосуд из погребения Высочино V-29-9, может быть, действительно связан происхождением с памятниками финальной бронзы лесостепи [Подобед и др. 2012, с. 207, рис. 2, 1], но, с другой стороны, форма сосуда с жемчужинами и красновато-охристой поверхностью вполне соответствует описанию керамики с нурских стоянок [Агапов 1976 с. 121, рис. 15, 16; Качалова 1989, с. 41, 44, рис. 3]. Единственная аналогия кружковидному черпаку из погребения Кировский

I-3-6 происходит из погребения Михайловский 11-10 [Шарафутдинова 1988, с. 217-218, рис. 2, 6]. Эти толстостенные сосуды с шероховатой серовато-желтой поверхностью практически идентичны формой и размерами. Единственное отличие кировского черпака – наличие прочерченного орнамента. Эти черпаки, представленные по одному экземпляру на Донском левобережье и в Закубанье, представляют собой изолированное явление. Но фактура нижнедонского экземпляра очень сильно отличается от фактуры керамики памятников финальной бронзы доно-предкавказских степей. Не исключено, что усеченно-коническая баночка из погребения Западенский 1-3 [Беспалый 2002, с. 111, рис. 2, 1, 3] была изготовлена за пределами рассматриваемой группы, в среде бондарихинской культуры. Об этом свидетельствует форма и пышность орнамента сосуда.

Второй момент связан с “донорством” кобяковской культуры.

А) Суждение о значимости этой культуры, точнее, ее нижнедонских памятников, далеко не всегда соответствует действительности. Кобяковские памятники на Нижнем Дону по своей материальной культуре резко отличаются от памятников местного автохтонного населения, особенно наличием богато орнаментированной столовой посуды, технологией домостроительства [Шарафутдинова 1980], погребальными традициями [Ларенок 2001], и т.д. Но не следует забывать, что кобяковские поселения на Правобережье низовий Дона – явление территориально ограниченное, представляющее собой небольшой анклав северокавказских переселенцев [Потапов 2012, с. 333-334]. Естественно, возможности культурного воздействия кобяковцев ограничивалось ближайшей округой.

Б) Ближайшая округа (правобережье низовий Дона и донская дельта) включает в себя поселения, где присутствуют материалы финальной бронзы: Мокрочалтырское [Ларенок 2000], Малаховский Ерик II [Прокофьев 2000; Коваленко 2006; Коваленко 2007], Бессергеновское (работы А.В. Кияшко в 1982 г.), Вареновка III (раскопки В.В. Потапова в 2007 г.), а также ряд погребений этого периода: Крест-17 (раскопки Р.В. Прокофьева), Хапры-1-13, 19, 20 [Беспалый 1991, с. 179-180, рис. 1, 2, 4, 5, 7, 8], Бессергеновка-1-2 [Шарафутдинова 1991, с. 187, рис. 2, 3, 4], Донской-6-9 [Шарафутдинова 1987, с. 29, рис. 2, 1-4], Западенский-1-3 [Беспалый 2002, с. 111, рис. 2, 1, 3], Ливенцовский IV-1 [Отрощенко 2001, с. 187, рис. 37, 6-11], Кастырский VII-1-5 [Лукьяшко 1999, с. 49, рис. 35], Лакедемоновка I-4-4, Русский Колодец XVI-3-10 [Ильюков 1988, с. 70, рис. 19, 2, 3, с. 108, рис. 17, 8-12]. Ни в одном из перечисленных погребальных комплексов нет предметов, происхождение которых можно было бы уверенно связывать с кобяковской культурой. То же самое можно сказать и о большинстве поселений. Под стеной финальнобронзового жилища 6 Мокрочалтырского поселения обнаружен роговой наконечник гарпуна, имеющий аналогии в Кобяково [Шарафутдинова 1980, с. 54, табл. XXXII, 12]. Но вряд ли эта находка может свидетельствовать о кобяковском культурном воздействии: такие гарпуны представлены в степной полосе как в финальнобронзовых, так в позднесрубных и сабашиновских памятниках [Усачук 1996, с. 24; Усачук 1997, с. 176-177, рис. 1, 2, 3; Панковский 2005, с. 107, рис. 1, 5]. О возможном кобяковском влиянии мы можем говорить лишь применительно к поселению Малаховский Ерик II, на котором в ходе раскопок 1998 г. (48 м²) в двух небольших ямках найден набор кобяковских каменных грузил. Из материалов раскопок 2005/2006 гг. (330 м²) происходит несколько фрагментов сосудов с веревочным орнаментом и около десятка стенок с коническими или полусферическими налечами, что сближает эту керамику с кобяковской. Но, с другой стороны, и на этом поселении, единственном, где заметно кобяковское воздействие, и на других поселенческих и погребальных памятниках в пределах выделенной мною культуры, мы не находим ярких, характеризующих кобяковскую культуру пышно орнаментированных кубков и “кувшинов”.

В) Упомянутые же аналогии керамике из финальнобронзовых погребений, расположенных, как правило, достаточно далеко от памятников нижнедонского варианта кобяковской культуры, не только не относятся к числу наиболее типичных кобяковских сосудов, но нередко находят себе соответствия и в памятниках различных культур, имеющих

достаточно широкий географический и культурный диапазон. Это, прежде всего, относится к горшкам, однотипным найденному в погребении Батурицкий I-9-10 [Шарафутдинова 1991, с. 187, рис. 3, 3], которые, помимо памятников кобяковской культуры [Шарафутдинова 1980, табл. I, I, II, II, VII, 12], известны и в Закубанье [Шарафутдинова 1988, с. 216-217, рис. 2, 4]. Мои оппоненты полагают, что признаком кобяковской керамики является уступ в месте перехода плечиков в горло [Подобед и др. 2012, с. 205, рис. 1, I, 3, 7]. Действительно, такая деталь на посуде этой культуры представлена достаточно хорошо. Но не только там. Похожие уступы известны на керамике белозерской культуры [Черняков 1985, рис. 35, 4, 37, I-3, 6, 7, 12, 18; Ванчугов 1990, с. 84; Ванчугов 1989, с. 61, рис. 4, I-4, 6, 12, 13, 15; Отрошенко 1975, рис. 5, I, 2], в памятниках финальной бронзы Казахстана [Варфоломеев 1987, с. 59, рис. 2; Ломан 1987, рис. 1, I, 3; 2, 3, 5, 6; 3, 4; 5, 14]. Возможно, этот признак – наличие уступа – носит характер хронологический, нежели культурный. Миска из Барановки [Дворниченко 1989, с. 27, рис. 9, в] имеет аналогии не только в материалах кобяковских поселений, но и в белозерских [Ванчугов 1990, с. 71, рис. 19, 8, 22, 19, 20, 28, 3, 8-10]. Кружковидный черпак из погребения Батурицкий I-9-10, действительно, находит себе соответствия в материалах кобяковской культуры, но не нижнедонского варианта, а закубанского [Шарафутдинова Э. 1991, рис. 4, II]. Но, вместе с тем, донецкие коллеги совершенно справедливо указали аналогии ему в белозерской и кизил-кобинской культурах [Подобед и др. 2012, с. 207, рис. 1, 7]. Та же ситуация складывается и с кубком из Отрадного II-7-6 [Потапов 2000, с. 64, рис. 1, 3], который близок, как и батурицкий черпак, не только однотипным формам кобяковской столовой посуды, но и белозерской, и кизил-кобинской. Сосуд из Анапского I-2-3 [Подобед и др. 2012, с. 207, рис. 1, 4], на мой взгляд, не совсем соответствует предложенной кобяковской аналогии [Шарафутдинова 1980, табл. XIX, 5] ни по форме, ни по размерам. Сомнительно и сопоставление орнаментов сосудов из погребения Ипатовский-11 [Кореневский 2007, с. 44, рис. 19, 5; Подобед и др. 2012, с. 207, рис. 1, 5] и из котлована землянки 3 Нижнегниловского поселения [Шарафутдинова 1980, с. 51, табл. XXII, 8]. Что касается кобяковских соответствий т.н. “кувшиновидным”¹¹ сосудам или (“кувшинам”, по Э.С. Шарафутдиновой), то эти формы морфологически не идентичны образцам из финальнобронзовых погребений, отличаясь пропорциями, формой деталей и т.д., хотя типологическая близость несомненна.

В-третьих, немаловажное значение имеет фактура глиняной посуды, в первую очередь, столовой. Она изготовлена из хорошо отмученного теста, чаще всего без видимых примесей. Черепок обычно тонкий, достаточно плотный. Можно выделить две разновидности столовой посуды. Первая – сравнительно тонкостенные сосуды, черепок в изломе нередко трехслойный, при этом внутренний слой серый или темно-серый. Поверхность заглажена или подложена, цвет от серого до темно-серого, с оттенками желтого или коричневого. К этой разновидности относятся сосуды из погребений Отрадный II-7-6, Шахаевский II-2-11, Кастырский VII-1-5, Мартышкина балка-92, Южный 3-1, Ипатовский-10, Ипатовский-11, Батурицкий I-9-10 (черпак). Другая группа парадных сосудов отличается, как правило, черным цветом теста и серым или темно-серым цветом поверхности. Поверхность не залощена, но чаще всего заглажена, хотя и обработана она менее качественно, чем на сосудах предыдущей группы. К этой категории относятся сосуды из погребений Аюта I-1-16, Ипатовский-5, Анапский I-2-3. Отсюда следует, что, несмотря на очевидность культурной

¹¹ Термин “кувшины” или более осторожный “кувшиновидные сосуды” не кажется мне удачным. Кувшин это “высокий округлый сосуд с горлышком и *ручкой* (курсив мой – В.П.)” [Ожегов 2002, с. 317]. Более подходящим, хотя бы по морфологическим признакам представляется определение “кринки” – “Расширяющийся книзу удлиненный глиняный горшок для молока” [Ожегов 2002, с. 307], который может быть применен в нашем случае к сосудам из погребений Ипатовский-5, Анапский I-2-3, Шахаевский II-2-11. Типологию сосуда из погребения Ипатовский-10 лучше определить термином “корчажка”.

эклектичности столовых форм посуды, можно говорить о близкой технологии их изготовления и обработки поверхности.

И наконец, в-четвертых, в памятниках финальной бронзы степной части восточной Европы мы не находим убедительных аналогий корчажке из погребения Ипатово 3-2-10, а с кринками из погребений Шахаевский II-2-12, Ипатово 3-2-5 и Анапский I-2-3 сопоставим только сосуд из насыпи над погребением Подгорный 5-1 [Вальчак 1996, с. 30, рис. 5, 8; Мамонтов 1999, с. 52-53, рис. 4, 3]. Возможно, это те немногочисленные сосуды, которые характерны именно для анализируемого круга памятников. С ними типологически связаны формы керамики, получившие свое распространение уже в начале раннего железного века – в черnogоровской культуре. Так, кринки выделены Н.А. Гаврилюк в особый тип предскифской посуды – “кувшины без ручек” [Гаврилюк 1979, с. 27-28, 37, рис. 5, 3-5; Гаврилюк 1996, с. 120, рис. 1-5]. Они несколько грубее отрадненских, но, несомненно, представляют варианты одного типа. Серия корчажек, близких ипатовской, была выделена в специфический черnogоровский тип посуды [Дубовская 1985, с. 168-169, рис. 1, 2, 4].

Таким образом, сравнив еще раз материалы погребений I и II групп, можно четко проследить черты, их объединяющие: исключительно впускной характер погребений; сочетание положения на левом и правом боку при абсолютном доминировании левобочного положения; одни и те же варианты положения рук, включая и мало распространенные; наличие мясной напутственной пищи (костей животных); присутствие посуды в захоронениях обеих групп и расположение ее в большинстве случаев (в каждой из групп) перед лицом погребенного; расположение немногочисленных погребений II группы в пределах огромного региона очерченного комплексами, относящимися к I группе; несмотря на эклектичность керамического комплекса, посуда, нередко имеет объединяющие ее черты в фактуре и, очевидно, в технологических особенностях ее изготовления.

Отличия между этими группами ограничиваются некоторыми обрядовыми особенностями. Они заключаются в различной ориентировке скорченных погребенных, для II группы характерно некоторое преобладание сильноскорченных погребенных над умеренно скорченными, при отсутствии слабоскорченных покойников. Для первой группы заметна противоположная тенденция – к ослаблению степени скорченности: преобладают среднескорченные костяки, на втором месте – сильноскорченные и при существенной доле слабоскорченных.

Специфический набор инвентаря для I группы – ножи, украшения, кремь, нередко в сочетании с серой, полностью отсутствующий в захоронениях II группы, а для II группы основной и наиболее распространенной категорией погребального инвентаря был глиняный сосуд.

Мои оппоненты сравнив оба “массива”, приходят к выводу о их разнотульнрности. Их аргументы заключаются в следующем:

– Совпадение территории распространения обоих массивов ограничивается участком левобережья низовий Дона от низовий р. Маныч до донского устья [Подобед и др. 2012, с. 212, рис. 3].

На территории, занимаемой памятниками, включенными мною в отрадненскую культуру, ареал распространения погребений II группы (массива II), действительно, образует лакуны и разрывы. Но, наверное, было бы странно, если бы было иначе. Из 65 погребений, группа скорченных на юг составляет 9, то есть 14%. При такой диспропорции обеих групп лакуны в ареале, очерченном более многочисленной группой, неизбежны. С другой стороны, нельзя не заметить, что погребения группы II в рамках очерченной территории, несмотря на то, что они действительно могут образовывать некие локальные группы погребений, не

располагаются в одном месте, а встречены на разных участках¹²:

1. Междуречье Дона и Кубани, ограниченное с северо-востока Западным Манычем, а с юго-востока руслом реки Егорлык – 6 погребений из 22 (27%);
2. Междуречье Калауса и Егорлыка – 1 погребение из 14 (7%);
3. Доно-манычское, сальско-манычское и доно-сальское междуречье (в нижнем и среднем течение рек Маныч и Сал) – 1 погребение из 10 (10%);
4. Район от Ергеней до нижнего течения Волги – 1 погребение из 6 (17%);
5. Приустьевая полоса правого берега Дона и северное побережье Таганрогского залива. Здесь находится 8 погребений, из которых два не включены ни в одну из групп, а остальные относятся к I группе¹³.

Таким образом, в процентном соотношении для каждого участка, доля погребений II группы колеблется в пределах от 7% до 27%, не очень сильно отличаясь от общего показателя. Важно и то, что большинство этих погребений, с одной стороны, тяготеют к локальным скоплениям финальнобронзовых погребений всех групп, а с другой стороны, пусть с лакунами и разрывами, но все же они охватывают большую часть ареала выделяемой мною отрадненской культуры. Эти погребения не образуют какого-либо самостоятельного скопления, значительно уступая в численности I группе, сосуществует с ней чересполосно. А разреженность их связана не только с малочисленностью, но и с неравномерной изученностью регионов.

– Отсутствие комплексов разных “массивов” в одном кургане или грунтовом могильнике [Подобед и др. 2012, с. 212].

Относительной малочисленностью погребений II группы объясняется и то, что они редко сочетаются с погребениями I группы в одних курганах. Но как часто вообще встречаются более одного финальнобронзового погребения в одном кургане или на грунтовом могильнике? Трижды: в кургане 2 могильника Ипатово 3 (10 погребений, включая одно II группы), курган у села Красногвардейское (2 погребения I группы) и грунтовой могильник Салок I (2 погребения I группы). И только в одном из трех случаев комплексы разных групп встречены в одной насыпи¹⁴. Но более значимым представляется тот факт, что они все же встречены в одном курганном комплексе – Большом Ипатовском кургане, и то, что погребение 10, относящееся ко II группе, вместе с девятью погребениями I группы образуют единый в стратиграфическом и в планиграфическом отношении могильник в пределах кургана [Кореневский 2007, с. 88], оставленный одной группой населения.

– Рассмотрев 5 факторов, которыми, по их мнению, может быть обусловлена многовариантность ориентировок погребенных, авторы ни один этих факторов не считают

¹² Единичные “пограничные” комплексы: Буйвола I-4-7, Садовый 2-19, Усть-Джегута 32-17, Тростянка 8-1, удаленные от основных территориальных групп погребений, я не включал в подсчеты по участкам.

¹³ Вместе с тем, одно разрушенное погребение категории “вне группы” – Кастырский VII-1-5, скорее всего, первоначально содержало костяк, ориентированный черепом к югу. Об этом свидетельствует расположение сосуда и костей животного по отношению к фрагментам черепа. К сожалению, отнести это погребение ко II группе со стопроцентной вероятностью нельзя.

Погребение с южной ориентировкой из поселения Безыменное II я относил к отрадненской культуре. Не исключаю такую атрибуцию и сейчас. Но поскольку этот комплекс отнесен моими коллегами к памятникам финальной бронзы Украины (ФБУ) [Подобед и др. 2012, с. 217], а В.А. Ромашко связывает его со степным вариантом богуславско-белозерской культуры [Ромашко 2013, с. 158], в данной работе я не включил его в список анализируемых погребений.

¹⁴ Притом, что соотношение численности I группы ко II составляет 16 : 3, это неплохой результат. Следует учитывать и курганные могильники, где количество погребений финальной бронзы более одного: Койсуг (2 погребения – одно I группы и одно – вне групп), Отрадный II (4 погребения – одно I группы, остальные II-й), Южный (2 погребения I группы), Северный II (3 погребения – одно погребение II группы, остальные I-й).

подходящим для отрадненской культуры [Подобед и др. 2012, с. 209-212].

Механизм и причины распространения южной ориентировки в финальную бронзу вряд ли могут быть объяснены одними лишь методами археологического исследования. Факты состоят в следующем: именно с этой эпохи появляется и во многих культурах и группах доминирует ориентировка погребенных головой в южный сектор. Помимо белозерской культуры, положение погребенных головой в южном с отклонениями направлении распространено в кобяковской культуре [Ларенок 2001, с. 24], в Поволжье и на Дону, в это же время появляются несколько вытянутых и ориентированных на юг погребений, связанных происхождением, по моему мнению, с маклашеевской культурой [Потапов 2002, с. 213-218]. Самостоятельную, по отношению к массиву II, группу представляют собой погребения со скорченными на боку и ориентированными на юг костяками из Петровского Городка, кургана 15 могильника Быково I и Утевки (см. выше), которые, скорее всего, связаны с поздним (кайбельско-танавским по Н.М. Малову [Малов 1987]) этапом хвалынской культуры валиковой керамики¹⁵. Кроме того, очевидно, что, в восточноевропейской степи ориентировка покойников на юг, как для белозерской, где она получила наибольшее распространение, так и для поздневаликовой среды Дона и Поволжья – явная новация, не имеющая корней в предшествующих культурах и культурных группах. Восточнее Доно-Волжского региона в это время тоже распространена южная ориентировка, и мои коллеги-оппоненты обращаются к этим памятникам, усматривая истоки южной ориентировки именно в этих регионах – южносибирском, южноуральском, в Зауралье, Северном Казахстане и т.д. Те изменения, которые археологически фиксируются фактически лишь в ориентировке погребенных, в этот период распространяются по большей части степного/лесостепного пояса Евразии и в данном случае не так уж и важно, откуда, с запада или востока, эта традиция приходит. Важно то, что она распространяется и воспринимается людьми на обширной территории, и достаточно быстро. И именно такое появление южной ориентировки на огромной территории можно отнести к области надкультурных проявлений. Ниже я постараюсь подробнее рассмотреть причины этого явления.

Сейчас же можно констатировать, что отличия между группами/массивами, намеченные моими оппонентами, не критичны.

Оценивая степень сходства и отличий, я возвращаюсь к той идее, которая была озвучена мною в ряде работ и подробно освещена в диссертации – о существовании **двух обрядовых групп (ОГ), в рамках единой отрадненской культуры** [Потапов 2010, с. 15]. Основные черты погребального обряда, локализация обеих обрядовых групп в рамках одного ареала, специфика керамики позволяют это утверждать. Отличия же в ориентировке погребенных и наборе сопроводительного инвентаря позволяют выделить устойчивые обрядовые группы, наличие которых, по моему мнению, является одной из главных черт отрадненской культуры.

Мои оппоненты, рассматривая группы в качестве отдельных культур, предлагают их различную культурную атрибуцию [Подобед и др. 2012, с. 212]. Оставляя наименование “отрадненская культура” за погребениями II группы, они связывают их происхождение с миграцией южноуральского саргаринского населения на запад, а появление этих погребений на Дону и Степном Предкавказье объясняется южным ответвлением от т.н. “саргаринского потока” [Подобед и др. 2012, с. 227-228]. Предложенная гипотеза заслуживает, с одной стороны, самого пристального внимания, но с другой – более надежной аргументации. Прежде всего, возникает вопрос: почему из всего погребального обряда переселенцев-саргаринцев им удалось сохранить только одну черту – южную ориентировку? Нет основных захоронений, каменных погребальных конструкций, известных в саргаринских погребальных

¹⁵ Говоря о сходстве погребений из Быково I с погребениями “II-го массива”, коллеги отмечают и серьезные отличия, связанные с набором погребального инвентаря и тем, что над этими погребениями была возведена индивидуальная насыпь [Подобед и др. 2012, с. 228].

памятниках Приуралья и Казахстана. Нет связанных с погребениями II группы характерных саргаринских сосудов [Зданович 1984]. При сравнении групп I и II отмечается, что “принципиальное различие между погребениями данных массивов заключается в том, что в массиве I высок удельный вес сосудов с орнаментом, причем орнамент относительно сложен, тогда как в массиве II орнаментирован лишь 1 сосуд и его орнамент предельно прост” [Подобед 2013, с. 209]. С другой стороны, С.Я. Зданович, касаясь орнаментации саргаринской посуды, говорит о том, что неорнаментированная посуда составляет в среднем всего 32% от общего числа [Зданович 1984, с. 87], то есть и саргаринская традиция орнаментации большей части посуды не прослеживается во II группе. Отметим еще один момент. На р. Смела – левом притоке Западного Маныча – в могильнике Отрадный II найдены четыре погребения. Три из них (Отрадный II-4-1, Отрадный II-7-6, Отрадный II-15-8) относятся ко II группе (с южной ориентировкой) [Потапов 2000, с. 62-64, рис. 1], одно погребение (Отрадный II-23-2) – к I группе¹⁶. Здесь же был исследован небольшой (21 м²) участок восточной окраины поселения, к которому, очевидно, и были приурочены упомянутые выше четыре погребения. Происходящая из раскопа керамика не демонстрирует нам каких-либо исключительно саргаринских черт. Те признаки, которые встречаются восточнее Подонья и более употребительны именно там¹⁷, все же носят в рамках восточного блока ОКВК надкультурный характер и выступают скорее в роли хронологического маркера не только для поселений Нижнего Дона, но и Северо-Восточного Приазовья и восточнорусской степи, начиная с позднесрубного времени [Горбов 1995, с. 62, 63; Горбов 1996, с. 14, 17, 19; Кабанова 1996, с. 45, 46].

Дополнительным аргументом в пользу переселения южноуральских саргаринцев являются находки керамики, связываемой с саргаринской культурой, происходящие из Восточной Украины [Подобед и др. 2012, с. 227-228]. Достаточно подробно эта проблема рассмотрена в работе Я.П. Гершковича [Гершкович 1998, с. 75-78]. По его мнению, в Восточной Украине, к началу “белозерского” периода на поселениях появляются группы керамики западного (позднесабатиновского), восточного и северо-восточного (малобудковского-бондарихинского) происхождения. Восточная группа – это керамика “поволжско-уральско-казахстанского происхождения”, по Я.П. Гершковичу [Гершкович 1998, с. 75], которую он представляет как многокомпонентную, сопоставимую с разнотипными керамическими комплексами: черкаскульским, межовским, тазабагыбским, федоровским, саргаринско-алексеевским, хвалынским и сусканским [Гершкович 1998, с. 75-76]. Иными словами, исследователь не считал возможным выделить конкретное культурное образование, с которым можно связать появление керамики восточной группы, с одной стороны, а с другой, на что указывают сравнительные колонки керамики восточного облика из Днепро-Донецкого региона и их поволжско-уральско-казахстанских аналогий [Гершкович 1998, рис. 11, 12], рассматривает это воздействие не как узконаправленное, исходящее из одного культурного источника, а как широкое влияние на Днепро-Донецкий регион восточного блока ОКВК.

Каков же характер этого воздействия? Конечно, самой логичной и самой вероятной является миграционная гипотеза, предложенная моими оппонентами. Их реконструкция событий состоит в следующем: из южного Приуралья носители саргаринской культуры переселяются в западном направлении, по-видимому, в тот регион, где фиксируются находки “восточной” керамики от Подонья и Приазовья до низовий Днепра. От этого “генерального” направления отделяется еще одна линия миграции в южном направлении (на левобережье Дона?), которая и является основой II группы (“Отраденской культуры”). Эта

¹⁶ Отнесение этого погребения к I группе на основании промежуточной, юго-восточной, ориентировки может носить формальный характер.

¹⁷ Орнаментация сосудов или валиков на сосудах “косыми крестами”, “косыми сетками”, воротничками под устьем, использование зубчатого штампа.

линия миграции оставляет погребения с мультикультурной (но не “восточной”) керамикой и южной ориентировкой скорченных покойников. Отличие основной линии миграции заключается в том, что ее следы фиксируются в виде находок керамики на поселениях, но нет никаких погребальных памятников с южной ориентировкой погребенных, и тем более с соответствующей керамикой в могилах [Подобед и др. 2012, с. 227-228].

На мой взгляд, возможны два варианта интерпретации событий.

1. Действительно, имела место миграция, но не локального характера, что вполне объяснимо исходя из фактора миграционной трансформации [Клейн 2013, с. 262-264]. Из исходной территории миграции в ее конечной точке фиксируются лишь глиняная посуда с характерной орнаментацией. Керамика, включая ее морфологию, орнаментацию и технологию, наряду с погребальным обрядом, признается многими исследователями “этническим маркером” (см.: [Клейн 2013, с. 262]). Миграции различного типа на территорию, занимаемую ранее срубными племенами, хорошо фиксируются археологически. Это расселение в финальную бронзу носителей бондарихинской культуры в южные районы лесостепи и пограничье степи и лесостепи Подонья и Подонцовья, где они, по одной версии, сосуществовали со срубными и постсрубными племенами в лесостепи на протяжении финальной бронзы [Берестнев 1994, с. 137; Горбов 1998, с. 69-77; Дубинец 2003, с. 278-287], а по другой, срубное население исчезает с приходом в лесостепь и степь бондарихинцев [Буйнов 1994, с. 7; Буйнов 2001, с. 220-223; Ромашко 1995, с. 74-76; Синюк 1996, с. 253-257], что, впрочем, не исключает их сосуществования со срубниками на начальном этапе [Ромашко 1998, с. 89-90; Буйнов 2001, с. 223; Мельников 2002, с. 118-119] и участие их в сложении бондарихинской культуры [Воловик 1996, с. 24-25, 28; Буйнов 2001, с. 223]. В лесостепном Поволжье в период, синхронизируемый с развитой сабашиновской культурой, взаимодействие срубного и сусканского населения “носило, скорее всего, характер постепенного вытеснения или культурной ассимиляции срубников сусканскими племенами, стремительно осваивавшими лесостепное Волго-Камье” [Колев 2000, с. 250]. Позднее сусканская культура сменяется здесь атабаевской [Колев 2000, с. 250-251], а затем, в эпоху финальной бронзы, здесь утверждается маклашеевская культура [Колев 2000, с. 257-259], имеющая явно экспансионистский характер. Представители этой культуры проникают достаточно далеко на юг, оставляя свои следы в материалах поселений [Хреков 2003, с. 108-111, рис. 9-13]; с ними же, очевидно, связана небольшая серия разрозненных погребальных комплексов, открытых в Поволжье [Потапов 2002] и Подонье [Беспалый 1991, с. 179-180, рис. 1; 2, 4, 5, 7, 8], которые содержали погребенных, вытянутых на спине и ориентированных головой к югу. Эта миграция по своему типу отличается от описанных выше. Предыдущий тип представляет собой переселение (расселение на чужую территорию) с вытеснением и ассимиляцией автохтонов. В случае же переселения маклашеевцев на юг, мы, со всей очевидностью, имеем дело с инфильтрацией [Клейн 2013, с. 273-274]. Об этом свидетельствуют наличие на прихоперских поселениях синкретических марьяновско-маклашеевских комплексов [Хреков 2003, с. 111-113, рис. 9-13], разрозненность погребений, присутствие в них предметов волго-камского происхождения, включая керамическую посуду [Гуренко 1996]. Три погребения в кургане 1 на станции Хапры ранее я связывал с кобяковской культурой, поскольку они располагались у Хапровского поселения кобяковской культуры и были ему синхронны [Потапов 1993, с. 218-220]. После открытия финальнобронзового некрополя Кобяковского городища [Ларенок 2002, с. 24-25], состоявшего из 26 погребений, содержавших скорченные и ориентированные большей частью в южный сектор костяки, я акцентировал внимание на общие черты этих двух могильников: рядная планировка могил, наличие каменных закладов, зачастую в виде набросок не крупных камней, остатки тризны в закладах в виде фрагментов костей животных и керамической посуды [Потапов 2010б, с. 20]. Открытие еще одного подобного комплекса на могильнике “Крест”, расположенном в дельте Дона, заставило меня поверить в присутствие маклашеевских переселенцев не только в Поволжье, но и на Дону, и связать с ними

хапровские могилы¹⁸. Тем не менее, черты кобяковского погребального обряда в этих комплексах присутствуют. Наиболее вероятное объяснение – совместное проживание этих людей с кобяковцами на Хапровском поселении. После их смерти они были похоронены “односельчанами” с соблюдением основных погребальных традиций мигрантов (вытянутое положение и южная ориентировка¹⁹), а “второстепенные” детали захоронения (заклад-наброска, остатки тризны в камнях заклада, возможно, рядная планировка) были оформлены в соответствии с правилами, принятыми у кобяковцев. Впрочем, это только гипотеза, но синкретизм двух обрядовых традиций несомненен, что подтверждает характер этой миграции как инфильтрации небольших групп людей. Ну и, наконец, появление самих кобяковцев на Дону – тоже результат миграции. Здесь мы наблюдаем ту разновидность миграции, которая у Л.С. Клейна определена как “дальнее переселение фракции народа” в ее компоненте “эмиграция частичная с разделением (отпочкование колонии)”, когда памятники культуры прослеживаются в новом ареале при сохранении их в старом [Клейн 2013, с. 279, рис. 73]. В нашем случае кобяковцы, переселяются из Закубанья, основывая в дельте Дона свой анклав [Потапов 2012, с. 325-343].

Какого же рода миграция была осуществлена носителями поволжско-приуральско-казахстанской керамики (по Я.П. Гершковичу) или южноуральскими саргаринцами (по В.А. Подобеду, А.Н. Усачуку, В.В. Цимиданову)? Мы не можем говорить ни о переселении с вытеснением и ассимиляцией автохтонов, ни о переселении/эмиграции с созданием колоний/анклавов. Ближе всего рассматриваемой ситуации соответствует инфильтрация, подобная маклашеевской. Однако и здесь нет полного соответствия. Отличия в отсутствии погребений, привязанных к основному (западному) потоку, с одной стороны, а с другой – в случае рассмотрения в качестве саргаринских/восточных по происхождению погребений II группы, отсутствие в них или приуроченным к ним поселенческим комплексам саргаринских находок, прежде всего, керамики. При допущении версии о существовании инфильтрации восточного населения, в западном потоке миграции, мы можем увидеть подтверждение этому в присутствии в находках инородной (“саргаринской”) керамики на поселениях местного населения. Эти вкрапления восточной керамики, могли оставить мигранты, жившие чересполосно с автохтонами, или же останавливавшиеся в их поселках. Что же касается погребений, то упоминавшаяся уже миграционная трансформация могла сказаться и на погребальном обряде, могли быть восприняты местные погребальные традиции, особенно, если процесс инфильтрации происходил не в короткие сроки, как у маклашеевцев, а был растянут во времени. Я.П. Гершкович в группу керамики поволжско-приуральско-казахстанского происхождения включает элементы диахронных или растянутых во времени культур: саргаринско-алексеевской и федоровской, хвалынской и сусканской, и т.д. [Гершкович 1998, с. 75-76]. В Приазовье керамика, близкая саргаринской, фиксируется в комплексах, относящихся к V (белозерскому) горизонту на поселениях Безыменное II²⁰ [Горбов 1995, с. 63, рис. 3, 9, 10] и Камышеватая XIV [Горбов 2011, с. 50, рис. 1, 3, 8]. Следы контактов с восточными культурами (хвалынской и/или саргаринской) отмечаются уже в предыдущем IV (позднесабатиновском) горизонте [Горбов 1996, с. 14], но здесь это те черты надкультурного характера, о которые я уже упоминал. Но, тем не менее, появление керамики саргаринского облика в этот период фиксируется на поселении Ляпинская балка в Приазовье, где в одном комплексе, синхронном IV хронологическому горизонту В.Н. Горбова, были найдены фрагменты саргаринского и федоровского сосудов

¹⁸ Доклад “Погребение эпохи финальной бронзы из могильника «Крест», в дельте Дона (К вопросу о межкультурных контактах в период финальной бронзы на территории южнорусской степи)”, прочитанный 8 декабря 2011 г. на международной конференции “Die kultur- und naturräumliche Entwicklung des Dondelta” /Берлин, DAI/.

¹⁹ В погребениях степных “маклашеевцев” диапазон отклонений от ориентировки “строго на юг” гораздо меньше, нежели у погребенных на Кобяковском некрополе.

²⁰ Где она отличается от местной и по технологии обработки поверхности [Горбов 1996, с. 17].

[Горбов 1995, с. 58, рис. 2, 4, 14]. Таким образом, если допустить появление восточной (саргаринской) керамики в результате инфильтрации населения (а полностью исключить появление ее в результате культурного или торгового обмена нельзя), то этот процесс был достаточно длительным, и его вектор был направлен в Подонцовье, Приазовье и Поднепровье, а возможно и далее на запад.

2. Можно ли проследить аналогичным образом следы миграции восточного населения в районы левобережья Дона, Предкавказья и нижневолжского Правобережья, где обнаружены погребения II группы? Можно ли отсутствие яркого этнического показателя – характерной орнаментированной лепной посуды – заменить погребальным обрядом, а точнее его единственным параметром – южной ориентировкой? Следует признать, что пока данных для такого вывода недостаточно.

В этом случае остается нерешенным вопрос: откуда здесь появляются погребения с южной ориентировкой, не имеющей местных корней? Прежде всего, такая ситуация сложилась не только для нашей II группы, но и для других культур и групп, большая часть которых перечислена в исследовании В.А. Подобеда, А.Н. Усачука, В.В. Цимиданова [Подобед и др. 2012, с. 227-228]. В конце бронзового века южная ориентировка распространяется от Приобья до Дуная, и, как и в нашем случае, в местах локализации этих культур для такой ориентировки отсутствуют местные корни. Исключение – ирменская культура. Для этой культуры характерно преобладание положение погребенных скорченными на правый бок и ориентировка их в южный сектор с отклонениями [Молодин 1985, с. 134; Степаненко 2012, с. 19, 22]. Одним из основных субстратов формирования этой культуры является позднеандроновская (федоровская) культура [Молодин 1985, с. 140]. Особенностью западносибирского варианта последней является абсолютное доминирование ингумации над кремацией, а также относительное преобладание юго-западной ориентировки [Молодин 1985, с. 105, 110, рис. 55, 1, 2, 4; 56, 6; Троицкая 1990, с. 63-65], при наличии западной [Молодин 1985, рис. 55, 8; 57, 5] и северо-восточной [Молодин 1985, рис. 56, 4]. Возможно, истоки южной ориентировки ирменских покойников лежат как раз в этом, федоровском, пласте. В ирменской культуре ориентировка в южный сектор становится абсолютно доминирующей – преобладает юго-западное направление, достаточно широко распространена ориентировка строго на юг, и присутствует юго-восточная [Степаненко 2012, с. 19, 22]. Ирменская культура – самая восточная культура, где столь широкое распространение получает ориентировка умерших в южном направлении, и, вполне вероятно, именно отсюда она распространяется на запад в качестве элемента погребального обряда. Похожая ситуация сложилась и в Центральном Казахстане – в позднеандроновское время широко распространяется юго-западная ориентировка и преобладает положение умерших на левом боку, а в финальную бронзу известны погребения с южной (с отклонениями) ориентировкой [Ткачев 2002, с. 77-78, 91, 117, 119, 134, 137]. Но, в отличие от ирменской культуры, насчитывающей 947 погребений [Степаненко 2012, с. 6], саргаринские погребения Центрального Казахстана с сохранившимися костяками единичны. Мы не можем достоверно установить, заимствовались ли у ирменцев (и/или саргаринцев) другие черты погребального обряда, такие, как доминирование правобочного положения, преимущественно основное положение в курганах, и т.д., или же они приобретались там, где они присутствуют, от других (субстратных?) источников, что, впрочем, для поставленной задачи не имеет принципиального значения. Важно то, что через цепь культур традиция ориентировки погребенных в южный сектор в сильно ослабленном виде достигает Нижнего Дона. Мои оппоненты обратили внимание на то обстоятельство, что “типичные по обряду и инвентарю белозерские захоронения в южной полосе степей почти отсутствуют восточнее р. Молочная. В Северо-Восточном Приазовье их нет” [Подобед и др. 2012, с. 225]. В действительности нельзя сказать, что здесь, в Подонье, находится западный рубеж распространения этой традиции. Но как тогда объяснить появление южной ориентировки в белозерской культуре, в регионе, где такая ориентировка опять же не имеет местных корней?

Более того, погребения кобьяковской культуры, истоки которой лежат на Северо-Западном Кавказе, и в большинстве случаев содержавшие останки погребенных, ориентированных к югу, не могли быть оставленными восточными мигрантами. Не стоит забывать и о небольшой группе “маклашеевцев” в степях Дона и Волги. Умерших в этих погребениях укладывали на спину, что соответствует обряду на исходной территории [Чижевский 2008, с. 16]. В Волго-Камье встречается и южная с отклонениями ориентировка, но, по свидетельству А.А. Чижевского, наибольшей популярностью пользовалось западное направление²¹. Но степные погребения маклашеевских мигрантов содержат костяки, ориентированные исключительно в южном направлении с минимальными отклонениями. Вряд ли эту традицию, получившую распространение в погребальном обряде белозерского, кобьяковского и степного “маклашеевского” населения, можно связать с миграциями из южно-уральского или западносибирского регионов. Скорее всего, мы имеем дело с распространением некоего нового культа, новой религиозной идеологии, отразившейся и на погребальном обряде в виде изменения ориентировки погребенных. Такое распространение не обязательно должно сопровождаться миграциями населения – носителей нового культа. Этим, по-видимому, объясняются достаточно быстрое распространение традиции такого ориентирования на огромной территории, лакуны между “южноориентированными” культурами/группами и использование в одних и тех же обществах/культурах, помимо южной, других направлений ориентации покойников, сравнительно легкий и, практически, мгновенный отказ от нее при кардинальных социальных, хозяйственных и военно-политических изменениях в начале эпохи раннего железного века.

Выше я уже говорил, что южная ориентировка распространяется с востока на запад. Но нельзя исключать и другие варианты. Ориентировку покойников головой к югу воспринимает население Поднепровья и Северо-Западного Причерноморья, и она становится одним из характерных признаков финальнобронзовой белозерской культуры, самой западной культурой, воспринявшей такую ориентировку. Эта яркая культура, до сих пор остающаяся маркером финальной бронзы восточноевропейской степи, с относительно многочисленным населением, по мнению некоторых исследователей, играла заметную военно-политическую и экспансионистскую роль в регионе [Дараган 2010, с. 118-122; Кашуба 2011, с. 66-67; Ромашко 2013, с. 239-242]. Вполне возможно, что на территории Степного Подонья и Предкавказья появление южной ориентировки покойников в погребениях II группы связано не с прямым восточным воздействием, а уже с западным, белозерским, импульсом. Тем более, что отчетливо прослеживаются параллели в некоторых категориях находок – посуда, бронзовые ножи, некоторые типы украшений и костяных изделий.

Впрочем, однозначно решить вопрос об источнике такой ориентировки для рассматриваемого региона при современном состоянии источниковой базы не представляется возможным. Очевидным представляется лишь то обстоятельство, что, несмотря на серию миграций в период, синхронный сабакинской культуре или ранней фазе общности КВК [Черных 1983, с. 95], появление южной ориентировки погребенных на Дону и в Предкавказье не связано с каким-либо переселением, а обусловлено распространением новых для региона религиозно-культурных норм.

В представленной работе отмечается сходство позднегребных погребений Дона и Предкавказья с комплексами группы I, позволяющее авторам отнести их к единой культуре – гребной, прослеживаемое по ряду признаков [Подобед и др. 2012, с. 221]:

1. “Большинство позднегребных погребений (95,4%) демонстрирует ориентировку умерших в интервале 45-135°, которая присуща захоронениям массива ФБ(I)²²”, при этом,

²¹ Представление о традиционном положении маклашеевских погребенных головой к реке [Халиков 1969, с. 296, 297] является ошибочным [Чижевский 2008, с. 16].

²² Этим термином авторами обозначена группа/массив I, начиная с того момента, когда считают доказанной разнотипность групп I и II.

говоря о различиях, авторы отмечают, что восточная ориентировка в наибольшей степени характерна именно для группы позднедонецких погребений, а “в массиве ФБ(І) чаще, чем она, встречается ориентировка на юго-восток”, что частично дезавуирует первое утверждение. Однако, по моим подсчетам, восточная ориентировка погребенных в рассматриваемой группе встречается, пусть и в относительном, но все же в большинстве захоронений группы – 20 погребений (41,5%). Юго-восточная ориентировка составляет 16 погребений (33,5%). На третьем месте (12 комплексов – 25%) – северо-восточная ориентировка. Восточная ориентировка перестает быть доминирующей, а другие варианты характеризуют более половины погребений рассматриваемой группы.

2. “В обоих массивах господствующим является положение умерших на левом боку”. Это действительно так: в І ОГ, рассматриваемой моими коллегами как массив ФБ(І), эта доля, по моим расчетам, составляет 83,3%, а в предшествующем позднедонецком массиве она, насколько можно судить по таблице 6 [Подобед и др. 2012, с. 237, табл. 6], немногим выше – 85,8%.

3. “В обоих массивах чаще всего встречается сильная скорченность погребенных”. Заметна, в сравнении с данными из той же таблицы 6, и динамика изменения скорченности в финальнодонецкую эпоху: доля позднедонецких погребений с сильноскорченными костяками на Дону и в Предкавказье 82,4%, а в І ОГ таких 33,3%²³, соотношение средней скорченности, соответственно, составляет 16,1% : 39,6%, а слабой 1,6% : 20,8%. Совершенно очевидно несовпадение по этому показателю между позднедонецким массивом и финальнодонецкой группой І. И уж тем более неприменимо к последней группе абсолютно верное для первой утверждение о том, что сильная скорченность встречается “чаще всего”. Очевидным есть преобладание средней скорченности, при значительной доле слабой, а сильная степень скорченности характеризует треть погребений.

4. “В обоих массивах встречаются различные варианты положения рук погребенных, но при этом набор вариантов почти совпадает. Лишь положение рук, при котором они согнуты в локтях под углом, близким к прямому, и направлены кистями в противоположные стороны, в массиве ФБ(І) нам неизвестно. Впрочем, в массиве позднедонецких погребений данное положение рук встречается крайне редко.

5. В обоих массивах руки погребенных чаще всего были согнуты в локтях под острым углом и направлены кистями к голове”.

Очевидно, что, как и в предыдущих случаях, совпадение тех или иных показателей не столь важно, как частота их применения. Обратимся только к преобладающему положению рук (І вариант по предложенной мною классификации). В доле соотношении этот обряд встречается в два раза реже, чем в позднедонецком массиве, и составляет 34% : 77,1%.

Все эти мои замечания в том или ином виде отражены в той части статьи моих коллег, где говорится о различиях между погребениями позднедонецкими и отнесенными к группе І, но, тем не менее, авторы, объясняя их “деформацией погребального обряда”, все же считают эти два диахронных массива однокультурными [Подобед и др. 2012, с. 221-222].

Представляется необходимым при определении культурной принадлежности той или иной группы, помимо приведенных выше параметров, касающихся ориентации в пространстве, основных и второстепенных деталей положения погребенных, учитывать и предметы, сопровождавшие покойного: и как элемент погребального обряда, и, нередко, как самостоятельный культурнообразующий признак.

Погребения І группы отличаются от позднедонецкого массива более разнообразным инвентарем. Присутствие керамики объединяет оба массива, но если почти каждое непотревоженное позднедонецкое погребение сопровождалось сосудом, то в группе І керамикой сопровождалась немногим более четверти погребений – 11 (27,5%). Другой,

²³ Доля вычисляется здесь не от количества погребений, где удалось установить степень скорченности, а от численности всех погребений группы І.

получившей широкое распространение в I группе, категорией погребального инвентаря являются бронзовые ножи, встреченные в каждом третьем погребении, тогда как о доле их в срубном массиве дают представление подсчеты В.В. Цимиданова – 1,8% [Цимиданов 2004, табл. 20]. В 28 погребениях группы I (58,3%) найдены различные украшения, в то время как в срубных могилах они сопровождают 2,2% погребений [Цимиданов 2004, с. 54, табл. 20]. Значительно возросло в финальную бронзу использование в погребальном ритуале кремня: если, по сведениям В.В. Цимиданова, в Донецко-Днепровском регионе, кремьен встречен в 0,7% погребений²⁴ [Цимиданов 2004, с. 55-56, табл. 20], то 9 погребений с кремнем группы I составляют 18,75%. Нередко вместе с кремнем помещалась и сера, что, насколько мне известно, не зафиксировано в срубных могилах. Увеличивается и доля погребений, сопровождавшихся мясной напутственной пищей с 2,5% в Ростовской обл. [Цимиданов 2004, с. 49, табл. 10] до 23% в I ОГ отрадненской культуры. Итак, очевидно радикальное изменение финальнобронзового погребального комплекса, принадлежащего I обрядовой группе, по отношению к предшествующему позднесрубному не только в части размещения умершего, но и в части наполнения этого комплекса. Все это явно не деформация погребального обряда, а фактически трансформация его в новую форму, сохраняющую некоторые элементы, свидетельствующие о связи со старыми погребальными традициями. Невозможно отнести к одной культуре группу погребений с унифицированным обрядом, при котором погребенные уложены на левый бок сильно скорченно, головой к востоку, сопровождавшееся одним, реже двумя сосудами, где отклонение ориентировки к югу или северу, ослабление скорченности, появление в комплексе ножа, украшений, кремня являются нечастыми явлениями и их должно рассматривать как отклонение от нормы; и группу захоронений, где при распространенной восточной ориентировке, погребения с умершими, положенными на юго-восток и северо-восток, преобладают, наиболее распространена средняя степень скорченности и не редка слабая, а сильно скорченные погребенные встречены лишь в трети погребений, сосуд ставится лишь в каждую четвертую могилу, зато могилы с украшениями составляют около 3/5 всех комплексов, ножи в каждой третьей могиле, а кремьен почти в каждой пятой и т.д.

Кроме того, резко меняется керамический набор в погребениях. В позднесрубных погребениях помещалась керамика характерных и устоявшихся форм: баночные или острореберные сосуды, реже горшки. В финальную бронзу, как в группе I, так и в группе II, керамический комплекс кардинально меняется – он становится морфологически и типологически разнообразен, приобретает культурную эклектичность, о чем уже говорилось выше, “старые”, позднесрубные, формы практически исчезли. В качестве одного из маркеров выделенной отрадненской культуры, я предложил использовать пластинчатые металлические височные кольца, происходящие из 13 погребений I группы [Потапов 2010а, с. 156-157]²⁵, которые не имеют себе аналогов в предшествующих позднесрубных памятниках, в которых, к тому же, височные кольца использовались лишь эпизодически [Цимиданов 2004, с. 54]. Следует заметить, что и керамика и височные кольца в погребениях отрадненской культуры (в моей трактовке – *В.П.*), имея внешний источник происхождения, изготавливались все же в местной среде, во всяком случае, большая их часть. Нередко, они несут в себе отличия от оригиналов, связанные с технологией производства, эстетическими представлениями и т.д. Среди получивших в это время широкое распространение на Дону и

²⁴ Вряд ли эта цифра будет принципиально отличаться от доли погребений с кремнем доно-предкавказского позднесрубного массива. Так, например, в аналитической статье Э.С. Шарафутдиновой, вышедшей в 1985 г., доля погребений с кремнем в этом массиве составляет 1% [Шарафутдинова 1985, с. 158].

²⁵ В данной заметке следует отметить два аспекта: 1) хронологический – обоснование датировки периодом финальной бронзы пластинчатых височных колец и 2) культуурообразующий. Мои оппоненты ссылаются только на хронологическую составляющую этой работы [Подобед и др. 2012, с. 216, 223].

в Предкавказье ножей-кинжальчиков с параллельными лезвиями выделяется один вариант, характерный только для этого региона. Это экземпляры, сопоставимые с типом Н-22 по Е.Н. Черныху – с широким ребром по клинку, переходящим в черешок [Черных 1976, с. 117, табл. XXXV, 11-14], отличающиеся от него тем, что вместо ребра посередине клинка по всей его длине проходит грань (Северный II-10-4, Крепинский I-18-9; Криволиманский III-3-1), или же до середины длины клинка (от острия) проходит ребро, а дальше (от середины до черешка) – грань. Нож первой разновидности, помимо перечисленных находок, найден в слое Кобяковского поселения [Шарафутдинова 1980, с. 62, табл. XXXIII, 20], а второй – в погребении Михайловский 11-10 [Шарафутдинова 1988, с. 218, рис. 2, 7, 3].

Таким образом, вполне обосновано выделение в отдельную “отраденскую” культуру погребений I группы, присоединение к ней погребений, включенных во II группу, которые в дальнейшем можно рассматривать в качестве обрядовых групп.

Авторы дискуссионной статьи, касаясь принципа выделения археологических культур, замечают, что в случае признания того, что “важнейшим признаком археологической культуры является более-менее стандартизированный погребальный обряд”, придется разбить на отдельные культуры те из них, в основу периодизации которых положены изменения погребальной обрядности, приводя в пример днепро-донскую бабинскую культуру [Подобед и др. 2012, с. 224]. На самом деле, вряд ли этапы выделяются на основании только деталей погребального обряда, скорее всего, используется сопряженность признаков. Например, с изменяющейся морфологией костяных “пряжек”, как в случае с бабинской культурой. Непонятна еще и убежденность в том, что генетическая преемственность обуславливает и принадлежность к одной археологической культуре. Да, она весьма значима, тем более, что в тех случаях, где она (преемственность) прослеживается археологически, это отражается на составляющих археологической культуры – погребальном обряде, типологии вещей, традициях домостроительства и т.д. Но важно оценивать эти переходящие признаки в зависимости от степени их значимости, распространенности и изменчивости. Если же мы берем, например, наличие в двух группах совпадающих признаков: курганный обряд и впускной характер погребений, восточную ориентировку погребенных, скорченную позу, положение на левом боку, сходные варианты положения рук, положение в могилу сосуда, костей животных, почему мы останавливаемся на отнесении к срубной культуре только финальнобронзовых памятников? По тем же самым признакам к срубным может быть следует отнести и памятники черногоровской культуры, которые, по моему убеждению, генетически связаны с отраденской культурой [Потапов 2010б]?

В исследовании моих коллег много внимания уделено культурной атрибуции погребальных памятников финальной бронзы Левобережной Украины [Подобед и др. 2012, с. 213-225]. Годными к сравнительному анализу признаны 14 погребений из 25 [Подобед и др. 2012, с. 220-221]. Финальнобронзовая атрибуция некоторых из отобранных комплексов вызывает у меня определенные сомнения, которыми я готов поделиться. При этом я не могу предложить четко сформулированных убедительных контраргументов против отнесения этой группы погребальных памятников²⁶ к “белозерскому времени” и, несмотря на некоторые колебания, в дальнейшем изложении буду оперировать именно этой группой погребений ФБУ, отобранной моими оппонентами:

1. [2]²⁷. Кузьменки I-2-3 [Супруненко 2012, с. 376, рис. 2; Подобед и др. 2012, с. 216].

2. [3]. Верхняя Маевка XVIII-4-3 [Ковалева 1977, с. 69-70, рис. 14,2; Отрошенко 1987, с. 132-133, рис. 1, 3, 4; Подобед и др. 2012, с. 213]. Дата погребения определяется находкой чаши, имеющей белозерские аналогии. Но авторы раскопок относят этот сосуд к

²⁶ Знакомыми мне только по публикациям, иногда неполным, и обсуждениям атрибуции этих памятников в других работах.

²⁷ Номера по приложению 2 [Подобед и др. 2012, с. 233-234].

сарматскому погребению, яма которого срезала нижнюю часть костяка из погребения 3. То, что сосуд, “оказавшийся между двумя разновременными скелетами” [Отрощенко 1987, с. 133], был смещен, сомнений не вызывает: положение сосуда на боку и расположение его в том месте где, судя по плану погребения в публикации, должны были располагаться либо тазовые кости, либо нижние позвонки. Все это ведет к некоторой неопределенности в плане принадлежности сосуда. Возможно, что он перемещен в пределах погребения 3, но не исключено, что он был привнесен в результате сооружения сарматского погребения 4. К сожалению, упомянутый в публикации “фрагмент срубного сосуда” [Ковалева 1977, с. 69] не фигурирует ни на плане погребения, ни в рисунках находок. Кроме того, погребения 3 и 1 расположены друг за другом, что наводит на мысль о рядном положении могил, почти на одинаковой глубине (перепад – 5 см), со схожим положением погребенных. При этом погребение 1 на основании овальной костяной пряжки с двумя отверстиями может быть отнесено к бабинской культуре рубежа среднего и позднего периодов эпохи бронзы.

3. [4/] Николаевка I-3-4 [Ковалева 1979, с. 29, рис 3, 9, 10; Подобед и др. 2012, с. 216]. Датировка финальной бронзой кажется наиболее вероятной, но поскольку она базируется на находке костяного пряслица, нельзя исключать и более позднюю дату (см. выше).

4. [5/]. Осиповка п. 32 [Беляев 1981, с. 68-69, 70, рис. 4; Подобед и др. 2012, с. 213].

5. [6/]. Песчанка 1-5 [Ромашко 1984, с. 106-108, рис. 1, 1-6; Махортых 2005, с. 150-151, рис. 123, 5-11; Подобед и др. 2012, с. 216].

6. [8/]. Днепрострой (Кичкас) А. п.35 [Шарафутдинова И., с. 75, рис. 26, 1-3; Подобед и др. 2012, с. 213].

7. [9/]. Кичкас II, 9/д [Шарафутдинова И., с. 77; Подобед и др. 2012, с. 213].

8. [10/]. Новоукраинка 3-1 [Попандопуло, 1999, с. 164, рис. 3, 3; Подобед и др. 2012, с. 219]. Погребение 1 впущено в курган, в котором “претендентом на основное может быть погребение 3” [Попандопуло, 1999, с. 162, рис. 3, 4]. Не совсем ясна атрибуция этого безынвентарного погребения, поскольку отсутствует его план, и, следовательно, вызывает сомнение финальнобронзовая атрибуция безынвентарного же погребения 1, базирующаяся, очевидно, на следующих признаках: 1 – более поздняя стратиграфическая позиция “чем комплекс срубной культуры, не производящий впечатления раннего” и 2 – “левая рука была согнута под острым углом, а правая – под прямым (кисть протянута к локтю левой руки)” [Подобед и др. 2012, с. 217, 219]. Даже если погребение 3 действительно основное, то его срубная атрибуция, в свете недостаточности данных об этом погребении, остается под вопросом. Допустив его срубную принадлежность, следует признать, что в сооруженную над ним насыпь могли впустить погребение и в тот же археологический период, и позднее. Конечно, в срубной КИО такое положение рук, как в погребении 1, уступает по степени распространенности основному – “руки согнуты в локтях, кисти перед лицом или грудью”, но все, же имеют место (см. напр.: Цимиданов 2004, рис. 61, 2, 3; 63, 3).

9. [11/]. Розовка 1-6 [Самар 1991, с. 129-130, рис. 2, 9; Подобед и др. 2012, с. 219].

10. [12/]. Розовка 1-8 [Самар 1991, с. 130, рис. 2, 11; Подобед и др. 2012, с. 219]. Оба погребения из кургана 1 в с. Розовка вызывают такие же сомнения, как и погребение из Новоукраинки. Они впущены в досыпку над погребением 5, костяк которого нарушен, но срубная атрибуция которого подтверждается керамикой. Руки захороненного в погребении 6 положены так же, как и в новоукраинском комплексе, а в погребении 8 обе руки согнуты под прямым углом, правая “вывернута кистью в направлении туловища” [Самар 1991, с. 130, рис. 2, 11]. В этом же погребении были найдены остатки серо-зеленой растительной подстилки и валик из такой же прессованной массы, располагавшийся в месте несохранившейся правой кисти. Любопытно, что такой же валик, зажатый в кисти, обнаружен в погребении 7, и еще один – в погребении 13, около нижней части лица [Самар 1991, с. 131-132, рис. 3, 8, 9], а аналогичная растительная подстилка зафиксирована в погребении 9, отнесенном автором к сабашиновской культуре [Самар 1991, с. 130-131, рис. 3, 1, 2]. В.В. Отрощенко считает погребения 6, 7, 8 одновременными, что подтверждается

их рядной планиграфией, и полагает, что эта группа объединяет цепочку белозерских могильников Надсивашья с монокультурными погребениями западного Надазовья [Отрощенко 2012, с. 247-248]. Мне трудно определить в этой серии погребений признаки, свидетельствующие об их бесспорной финальнобронзовой принадлежности. То, что эти погребения впущены в досыпку над срубным погребением, свидетельствует лишь о том, что их нижний хронологический рубеж не может быть древнее времени сооружения этой досыпки.

11. [13]. Новокаменка 3-4 [Подобед и др. 2012, с. 219; Генинг 1990, с. 17-18, рис. 18, 3]²⁸. И в этом случае погребение отнесено к финальной бронзе лишь на основании того, что оно впущено в позднейшую досыпку над срубным курганом.

12. [14]. Первомаевка 5-1 [Іллінська 1960, с. 134, рис. I, 8; II, 5, III, 21; Подобед и др. 2012, с. 214].

13. [15]. Безыменное II, р. III, п. 1 [Подобед и др. 2012, с. 217, рис. 5, 4, 5].

14. [23]. Рай-Стародубовка, п. 1 [Клименко 1999, с. 88, рис. 1, 6, 7; Подобед и др. 2012, с. 217].

Сравнивая погребения финальной бронзы Украины (ФБУ) и I ОГ (массив ФБІ по версии моих оппонентов), В.А. Подобед, А.Н. Усачук и В.В. Цимиданов, намереваясь доказать их однокультурность, допускают, как мне представляется, ту же ошибку, что и раньше, при сопоставлении позднесрубных комплексов с I ОГ (ФБІ). Сравниваются лишь сами признаки, то есть, как правило, их наличие или отсутствие, но не их качественное и количественное содержание. Рассмотрим их по пунктам [Подобед и др. 2012, с. 221]:

1) “Умершие в обоих массивах были помещены в могилу скорченно на боку”.

– Такой признак, как “положение скорченно на боку” как раз можно считать “надкультурным” для всей эпохи поздней бронзы и даже для начала раннего железного века.

2) “В обоих массивах преобладает сильная скорченность погребенных, но вместе с тем довольно высок удельный вес средней и слабой скорченности”.

– Уже приводились данные по степени скорченности погребенных I группы: сильно скорченных здесь – всего треть погребений, относительно преобладают среднескорченные костяки – около 40%, а слабоскорченные – немногим более 20%. В группе ФБУ, действительно, преобладает сильная скорченность, но с учетом того, что о некоторых комплексах нет полной информации или разрушена часть костяков, мы можем оперировать лишь десятью погребениями из четырнадцати. Из них сильноскорченных – 4 (40%), среднескорченных и слабоскорченных – по 3 (по 30%). С учетом малой выборки, предложенная пропорция различных степеней скорченности вряд ли может считаться устойчивой.

3) “В обоих массивах преобладает положение умерших на левом боку”.

– В группе I доля таких погребенных составляла 83,3%, а в массиве ФБУ, с учетом отсутствия соответствующей информации о двух захоронениях, 66,7%. Различие не особенно существенное, но, с учетом малочисленности выборки ФБУ, оно может как уменьшиться, так и увеличиться. Впрочем, распространение левобочного положения погребенных я склонен связывать с единой, срубной, подосновой сравниваемых групп.

4) “В обоих массивах доминирует ориентировка погребенных в интервале 90°-135° (64,3% в массиве ФБУ(I) и 68,8 % в массиве ФБ(I))”.

– Выше, анализируя аргументы коллег в пользу культурного единства позднесрубных погребений Дона и Предкавказья с погребениями I ОГ, я уже приводил данные по основным направлениям ориентирования погребенных, из которых следует, что ориентировка погребенных головой на восток встречается чаще, чем другие варианты ориентировок. В

²⁸ Один из авторов дискуссионной статьи, А.Н. Усачук, обратил мое внимание, что в списке погребений ФБУ [Подобед и др. 2012, с. 233, приложение 2] комплекс из могильника Новокаменка ошибочно отнесен к кургану 1.

массиве ФБУ в шести погребениях отмечена восточная (43%), в пяти – юго-восточная (36%), и в трех случаях (21%) – северо-восточная ориентировки.

5) “В обоих массивах преобладает большинство вариаций положений рук”.

– Из 14 восточноукраинских погребений положение обеих рук проследить (или реконструировать) удалось лишь у 10²⁹. Преобладают I и II варианты – по 3 погребенных. Дважды встречено положение рук по V варианту и по одному случаю зафиксировано положение рук, соответствующее III и IV вариантам. То есть формально все варианты положения рук, отмеченные в I ОГ, встречены в массиве ФБУ. Но из выделенной группы ФБУ только в 3-х из десяти погребений встречено положение рук согнутыми в локтях перед лицом и грудью, тогда как в массиве I ОГ погребенных с таким вариантом (I-м) положения рук – около половины (45%). Вместе с тем, вариант II, лишь дважды (т.е. в 7% случаев) представленный в I ОГ, в ФБУ встречен трижды, что составляет 30%. С учетом относительной малочисленности последней выборки, важно, что этот вариант положения рук преобладает не только в относительном (процентном), но и в абсолютном исчислении. То есть его доля в погребальном обряде финальнобронзовых погребений восточной Украины заметно выше, чем в I-й обрядовой группе отрядненской культуры.

6) “В погребениях обоих массивов встречаются кости животных, причем удельный вес комплексов с ними довольно близок – 28,4% в массиве ФБУ(I) и 20% в массиве ФБ(I)”.

– По моим подсчетам, в первом массиве (I ОГ) насчитывается 11 таких погребений, что составляет около 23%, а во втором массиве (ФБУ(I)) – 6 (43%), что, впрочем, принципиально, особенно с учетом неустойчивости последней выборки.

7) “Совпадают многие категории погребального инвентаря. В частности, в погребениях обоих массивов выявлены сосуды, пряслица, шилья, оселки, височные подвески, пастовые бусы, кремни, кусочки серы. Инвентарь массива ФБ(I) более разнообразен, и некоторые категории вещей, присутствовавших в погребениях данного массива, в комплексах массива ФБУ(I) до сих пор не обнаружены (например, бронзовые нож, игла, костяные проколка, наконечник стрелы, каменный пест, астрагалы мелкого рогатого скота, раковины моллюсков). Но, вместе с тем, практически все категории инвентаря из массива ФБУ(I) находят соответствие в массиве ФБ(I)”.

– Сосуды встречены в 11 погребениях I ОГ, что составляет почти 23% и в 8 погребениях “массива ФБУ(I)”, то есть 57% комплексов этой группы. Костяные пряслица в обеих рассматриваемых группах встречены трижды, что для I ОГ составляет 6,25%, а для ФБУ – 21,4%. Украшения в I ОГ представлены различными видами – бронзовыми бляшками, височными кольцами и подвесками, наборным браслетом, бронзовыми и костяными пронизями, бронзовыми, костяными и стеклянными (пастовыми) бусами и бисером, найденные в 28 погребениях. В представленной моими оппонентами группе ФБУ присутствуют стеклянные бусы (Кузьменки I-2-3), бронзовые подвески (Песчанка 1-5, Кичкас А-35). Помимо того, что в I ОГ (“ФБ(I)”) ассортимент украшений на порядок шире, чем в ФБУ, доля погребений с украшениями намного выше – 58,3% и 21,4% соответственно. Отмечу, что сочетание в инвентаре “украшения + сосуд”, представленное во всех трех погребениях ФБУ с украшениями, трижды встречается и в I ОГ. Но если в последнем случае такое сочетание представлено 11% комплексов, содержащих украшения³⁰, то в восточноукраинской группе этот показатель составляет 100%. Соотношение погребений, содержащих кремь, в I ОГ и ФБУ составляет, соответственно, 11 (23%) и 2 (14,3%). Формально можно счесть отличия принципиальными, но интересно то, что один из комплексов, содержащих кремь, Кузьменки I-2-3, маркирует северо-восточную границу

²⁹ В погребении Новокаменка-3-4 положение рук на плане погребения не соответствует описанному в тексте публикации [Генинг 1990, с. 17-18, рис. 18,3].

³⁰ Обнаруженных в степном Предкавказье: два – в Большом Ипатовском кургане и один – в могильнике Южный.

ареала ФБУ, то есть, расположен уже в лесостепи и наиболее удален от территории распространения памятников I ОГ, где кремень встречается гораздо чаще.

Немаловажным отличием является отсутствие в восточнотрапезной группе ножей, которые в Подонье/Предкавказье найдены в 16 комплексах, что соответствует трети всех погребений, входящих в первую обрядовую группу, различных типов бронзовых бляшек (нашивных и бляшек-пуговиц), которые представлены в 12 погребениях I ОГ, т.е. в каждом четвертом. В контексте культурной атрибуции массивов I ОГ и ФБУ наличие этих категорий находок в погребениях географически не стыкующихся белозерской и отрадненской культур, при полном их отсутствии в погребениях ФБУ, занимающих промежуточное между ними положение, является еще одним аргументом в пользу отличия последней группы, не только от белозерской культуры, но и от отрадненской.

8) “Хотя типы керамики, выявленные в захоронениях массива ФБ(I), с одной стороны, и массива ФБУ(I), с другой, различаются, оба массива роднит то, что многие сосуды из погребений находят параллели не в керамике синхронных поселений данной территории, а среди сосудов иных культур. Как отмечалось выше, сосуды массива ФБ(I) близки керамике кобьяковской, белозерской, бондарихинской и других культур. А некоторые сосуды массива ФБУ(I) находят параллели в белозерской, бондарихинской и чернолесской культурах”.

– Выше, при анализе керамики, найденной в погребениях отрадненской культуры, я пришел к выводу, что, несмотря на мультикультурность происходящей из них посуды, значительная часть ее, судя по некоторым технологическим признакам, была произведена в местной отрадненской среде, а некоторая ее часть морфологически оригинальна. То есть керамика в данном контексте все же может быть использована в качестве культурного маркера. В качестве такого же маркера я предложил использовать пластинчатые височные кольца и подвески с приостренными концами, зачастую с сужением-перемычкой, иногда украшенные продольным рифлением [Потапов 2010а, с. 157].

Несмотря на неодинаковую репрезентативность сравниваемых групп и определенные элементы сходства, приведенные в работе моих оппонентов, отличия между сравниваемыми массивами представляются более существенными. В погребальном обряде это – присутствие досыпки над некоторыми погребениями ФБУ (Кузьменки); наличие погребений, впущенных в слой поселений этого же времени (Безыменное II, Рай-Стародубовка); преобладание погребений с сильноскорченными костяками в группе ФБУ, которые в I ОГ уступают умеренно скорченным погребенным; доминирование различных вариантов положения рук; указанные выше существенные различия в наборе инвентаря. Немаловажное значение имеют и морфологические особенности находок из погребений, в первую очередь керамики и некоторых разновидностей украшений.

Все это подводит к заключению о том, что погребения финальной бронзы Украины и погребения первой обрядовой группы отрадненской культуры – явления, несомненно, близкие, но, тем не менее, разнотрапезные. К близким выводам приходят и некоторые другие исследователи, затрагивавшие эту проблему [Отрошенко 2012; Ромашко 2013]. Впрочем, я допускаю возможность возвращения к обсуждению проблемы соотношения доно-предкавказских финальнобронзовых памятников и синхронных им погребений Левобережной Украины. Но произойти это может только при условии значительного пополнения корпуса источников, происходящих из Днепро-Донецкого междуречья, на основе тщательного и критичного их отбора, аргументированной хронологической атрибуции и анализа возможных вариантов культурной атрибуции.

Я оставляю за рамками предлагаемой мною работы вопросы соотношения позднесрубных и финальнобронзовых погребений Украины, как не имеющих принципиального значения для интересующей меня проблемы статуса и содержания отрадненской культуры. Я вполне убежден в постсрубном характере этой культуры и склонен относить к постсрубной группе восточнотрапезные погребения конца эпохи бронзы вслед за В.В. Отрошенко, Я.П. Гершковичем, В.А. Ромашко. Конечно, выделение

постсрубных культурных образований и отдельных памятников – процесс еще далекий от своего завершения, но, несомненно, набирающий силу.

Приношу свою искреннюю благодарность Вячеславу Анатольевичу Подобеду, Анатолию Николаевичу Усачуку, Виталию Владиславовичу Цимиданову за предоставленный повод вернуться к теме финальной бронзы, интересные идеи в этой области, новый, неизвестный мне материал, а так же за возможность заново проверить свои научные гипотезы и скорректировать их. Я старался не выходить в пылу дискуссии за рамки академичности, но все же прошу прощения у коллег, к которым испытываю самые теплые чувства и искреннее уважение, если невольно задел их своими замечаниями.

Потанов В.В.

“ДЕЯКІ ДИСКУСІЙНІ ПРОБЛЕМИ” АРХЕОЛОГІЇ ФІНАЛЬНОЇ БРОНЗИ ТА ДЕЯКІ ДИСКУСІЙНІ РІШЕННЯ ЦИХ ПРОБЛЕМ

У статті, що є відповіддю на критичну статтю В.А. Підобіда, А.М. Усачука і В.В. Циміданова “Деякі дискусійні проблеми археології півдня Східної Європи фіналу бронзового віку”, автор повертається до питання про культурну приналежність поховальних пам’яток фінальної бронзи Нижньої Донщини, Передкавказзя і Нижнього Поволжя та їхнього внутрішнього членування. На його думку, групи/масиви, які виділяються, що їх пропонується розглядати як приналежні до різних культур, є обрядовими групами однієї, отрадненської культури. Розглянувши припущення опонентів щодо появи південної орієнтації разом з переселенцями із Зауралля, і формуванні тут “отрадненської культури”, автор не знаходить на теренах південніше річища Дону в нижній його течії інших ознак такої міграції. Схожість між похованнями І групи та передуючими їм зрубними похованнями не є такою суттєвою, щоби об’єднувати їх у межах однієї культури, натомість дозволяє говорити про генетичний зв’язок отрадненської культури зі зрубною

Ключові слова: фінал бронзового віку, Нижня Донщина, Передкавказзя, Україна, поховальні пам’ятки, отрадненська культура, зрубна культура, міграції.

Potapov V.V.

“SOME DEBATABLE PROBLEMS” OF ARCHAEOLOGY OF THE BRONZE AGE ENDING AND SOME CONTROVERSIAL SOLUTIONS TO THESE PROBLEMS

The paper is a response to a critical essay written by V.A. Podobed, A.N. Usachuk and V.V. Tsimidanov (“Some debatable problems of archaeology of the South of Eastern Europe of the Bronze Age Ending”). The author of the paper returns to the question of funerary monuments cultural identity in the territories of the Lower Don River, the Caucasus and the Lower Volga River. According to the author the allocated/arrays groups that are proposed to consider as belonging to different cultural groups are ceremonial one. They belong to a common culture, which is called “Otradnenskaia culture”. Having considered the assumption of opponents of the appearance of southern orientation characteristic for immigrants from the Trans-Urals region, and of the formation here “Otradnenskaia culture”, the author does not find in the south of the Don River territory any other such migration characteristics. The similarity between the burials of Group I and preceded of them the Timber Grave culture burials are not so substantial to combine them into a single culture, but lets talk about the genetic connection with the carcass Otradnoe culture .

Keywords: the Final Bronze Age, the Lower Don, the Caucasus, Ukraine, funerary monuments, Otradnenskaia culture, the Timber Grave culture, migrations.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А.** Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье / С.А. Агапов, И.Б. Васильев // Очерки истории и культуры Поволжья. – Куйбышев, 1976. – Вып. 2. – С. 113-135.
- Агульников С.М.** Впускные погребения белозерского времени в курганах Прото-Днестровского междуречья / С.М. Агульников // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999. – С. 7-10.
- Анфимов Н.В.** Протомеотский могильник с. Николаевского / Н.В. Анфимов // Сборник материалов по археологии Адыгеи. – Майкоп, 1961. – Т. II. – С. 103-130.
- Бабенко В.А.** Отчет о раскопках курганного могильника “Золотаревка-6” в Ипатовском районе Ставропольского края в 1999 г. – Ставрополь, 2000 – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 22348, 22349.
- Беглова Е.А.** Отчет об исследовании курганного могильника Садовый в 2004 году. – М., 2005. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 31662.
- Беляев О.С.** Похоронения срубной культуры и раннего железного века Йосипівського могильника / О.С. Беляев // Археологія. – 1981. – № 36. – С. 67-70.
- Березин Я.Б.** Отчет о раскопках могильников “Буйвола I” у г. Буденновска и “Успенский I” у г. Новоалександровска Ставропольского края в 1997 г. – Ставрополь, 1998. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 19830, 19831.
- Берестнев С.И.** Поселение Таранцево и вопрос о населении днепровского лесостепного Левобережья в начале раннего железного века / С.И. Берестнев // СА. – 1994. – № 3. – С. 121-139.
- Беспалый Е.И.** Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону / Е.И. Беспалый, И.Н. Парусимов // СА. – 1991. – №3. – С. 179-195.
- Беспалый Е.И.** Раскопки Новочеркасской экспедиции в 1990-91 гг. / Е.И. Беспалый // Аксайские древности. – Ростов н/Д, 2002. – С. 111-188.
- Буйнов Ю.В.** Хронология и периодизация бондарихинской культуры / Ю.В. Буйнов // Проблемы хронологии культур энеолита – бронзового века Украины и юга Восточной Европы: тез. докл. Междунар. конф. – Дніпропетровськ: Вид-во Дніпр. ун-ту, 1994. – С. 7-9.
- Буйнов Ю.В.** Срубная культурно-историческая общность и бондарихинская культура: вопросы хронологии и взаимосвязей / Ю.В. Буйнов // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: матер. междунар. науч. конф “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы”. – Самара: ООО “НТЦ”, 2001. – С. 220-223.
- Вальчак С.Б.** Ранние памятники черноголовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология / С.Б. Вальчак, В.И. Мамонтов, А.А. Сазонов // Историко-археологический альманах. – Вып. 2. – Армавир; М., 1996. – С. 23-44.
- Ванчугов В.П.** Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье / В.П. Ванчугов. – К.: Наук. думка, 1990. – 168 с.
- Ванчугов В.П.** Васильевский курганный могильник Белозерской культуры на левобережье Нижнего Подунавья / В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин // Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья. – К.: Наук. думка. 1989. – С. 54-65.
- Варфоломеев В.В.** Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент / В.В. Варфоломеев // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 56-68.
- Воловик С.И.** Бондарихинская культура (проблема происхождения): автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. РАН. – М., 1996. – 33 с.
- Гаврилюк Н.А.** Лощеная керамика степных погребений предскифского времени / Н.А. Гаврилюк // Памятники древних культур Северного Причерноморья. – К.: Наук. думка, 1979. – С. 20-40.
- Гаврилюк Н.А.** Керамика внестепной группы в погребениях предскифского времени на территории Северного Причерноморья / Н.А. Гаврилюк // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: матер. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. – СПб.: 1996. –

С. 118-121.

Генинг В.В. Черная Долина в эпоху бронзы. Курганы у с. Новокаменка / В.В. Генинг, А.И. Кубышев. – К., 1990. – 57 с.

Гершкович Я.П. Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-восточное Приазовье – Подонцовье) / Я.П. Гершкович // АА. – № 7. – Донецк, 1998. – С. 61-92.

Горбенко А.А. Отчет о раскопках курганов в Сальском и Багаевском районах Ростовской области в 1973 / А.А. Горбенко, В.А. Кореняко, В.Е. Максименко, Н.М. Фомичев. – Азов, 1974. – Архив АКМ. – КВФ 9797/19.

Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане / В.Н. Горбов // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы: матер. конф. – СПб., 1995. – Ч. II. – С. 52-72.

Горбов В.Н. Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий / В.Н. Горбов // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. междунар. конф.: в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 13-21.

Горбов В.Н. К вопросу о населении бассейна р. Ворсклы в конце бронзового века / В.Н. Горбов, Р.А. Литвиненко // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та. 1998. – С. 69-79.

Горбов В.Н. Камышеватая-XIV – поселение позднего бронзового века в Северо-Восточном Приазовье / В.Н. Горбов, Е.В. Кабанова // Аркасівські читання: матер. I міжнар. наук. конф. – Миколаїв: Вид-во МДУ ім. В.О. Сухомлинського, 2011. – С. 49-52.

Гордин И.А. Предскифские захоронения у с. Пешково / И.А. Гордин, В.В. Потапов // ИАИАИАНД в 1990 г. – Азов, 1991. – Вып. 10. – С. 36-42.

Гуренко Л.В. Отчет и приложение к отчету о работе отряда археологической лаборатории НИС ВГПУ в Камышинском районе Волгоградской области в 1995 году. – Волгоград, 1996. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 19182.

Дараган М.Н. Геоинформационный анализ чернолесской фортификации (10-9 вв. до н.э., правобережье Среднего Днепра): поиск объяснительной модели / М.Н. Дараган, М.Т. Кашуба, С.Н. Разумов // Revista Arheologică, serie nouă, 2010. – Vol. V (2). – С. 91-128.

Дворниченко В.В. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства I-й очереди Калмыцко-Астраханской оросительной системы (Черноярский р-н Астраханской обл.) в 1981 году / В.В. Дворниченко, Г.А. Федоров-Давыдов. – 1982. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 9905, 9905-а, 9905-б, 9905-в.

Дворниченко В.В. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем / В.В. Дворниченко, Г.А. Федоров-Давыдов // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. – М.: Наука, 1989. – С. 14-132.

Дубинец О.В. Комплексы заключного периода доби бронзы поселения Іллічівка на Сіверському Дінці / О.В. Дубинець // МІАВУ. – № 1. – Луганск, 2003. – С. 279-288.

Дубовская О.Р. Погребение лучника раннего железного века / О.Р. Дубовская // СА. – 1985. – № 2. – С. 166-172.

Евдокимов Г.Л. Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка / Г.Л. Евдокимов // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 107-126.

Евдокимов Г.Л. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника / Г.Л. Евдокимов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. – Запорожье, 1999. – С. 99-103.

Епимахов А.В. “Темные века” эпохи бронзы Южного Зауралья / А.В. Епимахов // РА. – 2010. – № 2. – С. 39-50.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы / Ю.А. Заднепровский // МИА. – 1962. – № 118. – 238 с.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского Междуречья. – Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1984. – С. 79-96.

Зданович С.Я. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по

данным трасологического изучения орудий труда с пос. Петровка II) / С.Я. Зданович, Г.Ф. Коробкова // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1988. – С. 60-79.

Іллінська В.А. Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомайки / В.А. Іллінська, Г.Т. Ковпаненко, Є.О. Петровська // АП УРСР. – Т. IX. – К.: Вид-во АН УРСР, 1960. – С. 127-140.

Ильинская В.А. Бондарихинская культура бронзового века / В.А. Ильинская // СА. – 1961. – № 1. – С. 26-45.

Ільюков Л.С. Древнейшие погребения в бассейне реки Егорлык / Л.С. Ільюков // ИАИАИАНД в 2011 г. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2013. – Вып. 27. – С. 171-181.

Ільюков Л.С. Курганы Миусского полуострова / Л.С. Ільюков, Л.М. Казакова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1988. – 168 с.

Кабанова Е.В. Опыт применения статистических методов для анализа керамики поселений Северо-Восточного Приазовья / Е.В. Кабанова // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. междунар. конф.: в 2 ч. – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 41-47.

Калмыков А.А. Погребение из могильника Золотаревка I и некоторые вопросы генезиса черноговоровской культуры / А.А. Калмыков, В.В. Потапов // ССПК. – Т. XI. – Запоріжжя, 2004. – С. 103-109.

Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) / Н.К. Качалова // СА. – 1989. – № 1. – С. 33-47.

Кашуба М.Т. Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и северопонтийские смычковые фибулы XI-X вв. до н.э. / М.Т. Кашуба // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. – Грозный; М.: ИА РАН, Институт гуманитарных исследований АН ЧР, 2011. – С. 61-78.

Клейн Л.С. Археологическое исследование: методика кабинетной работы археолога: в 2 кн. / Л.С. Клейн. – Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 2013. – Кн. 2. – 599 с.

Клименко В.Ф. Поселения срубной культуры на Донетчине / В.Ф. Клименко // Матеріали міжнародної конференції “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам’яного віку по раннє середньовіччя)”. – Дніпропетровськ, 1999. – С. 86-88.

Ковалева И.Ф. Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары / [И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачев, В.А. Попцов] // Курганные древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1977. – С. 8-113.

Ковалева И.Ф. Срубные курганные могильники Среднего Присамарья / И.Ф. Ковалева, В.А. Ромашко, А. Андросов // Курганные древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.). Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1979. – С. 25-44.

Коваленко А.Н. Отчет об исследованиях экспедиции НМЦА РГПУ в дельте Дона в 2005 г. – 2006. – Архив НМЦА РГПУ. б/н.

Коваленко А.Н. Отчет об исследованиях Южно-Донской экспедиции в дельте Дона в 2006 году. – 2007. – Архив НМЦА РГПУ. б/н.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант / В.И. Козенкова // САИ. – Вып. В2-5. – М., 1998. – 200 с.

Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних “кобанцев”. Могильник Терезе конца XII – VIII в. до н.э. / В.И. Козенкова // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Вып. V. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 220 с.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье / Ю.И. Колев // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара, 2000. – С. 242-301.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии / С.Н. Кореневский. – М.: Наука, 2004. – 243 с.

Кореневский С.Н. Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический

источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа / С.Н. Кореневский, А.Б. Белинский, А.А. Калмыков. – М.: Наука, 2007. – 229 с.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона: дис. на соискание учен. канд. ист. наук: спец. 07.00.06. “Археология” / ИИМК РАН. – СПб., 2006. – Архив ИИМК РАН. – Ф. 35,0.2-D.

Ларенок В.А. Пландеогрфия и архитектура Мокро-Чалтырского поселения / В.А. Ларенок // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: Східний видавничий дім, 2000. – С. 26-28.

Ларенок В.А. Древнейший некрополь Кобякова городища / В.А. Ларенок, В.В. Потапов // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: тез. докл. V “Минаевских чтений” по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. – Ставрополь, 2001. – С. 24-26.

Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. / В.А. Ларенок. – Ростов н/Д: ООО “Донской Издательский Дом”, 2013. – Ч. I. – 448 с.

Лимберис Н.Ю. Меотские древности VI-V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников Правобережья Кубани) / Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко. – Краснодар: Изд-во Кубанск. ун-та, 2012. – 316 с.

Литвиненко Р.А. Днепро-Донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) / Р.А. Литвиненко // МДАСУ. – Вип. 5. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2006. – С. 157-187.

Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира” / Б.А. Литвинский. – М.: Наука, 1972. – 270 с.

Литвинский Б.А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) / Б.А. Литвинский, А.П. Окладников, В.А. Ранов. – Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962. – 406 с.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики / В.Г. Ломан // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 115-129.

Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону / С.И. Лукьяшко // ДД. – Вып. 7. – Азов, 1999. – 240 с.

Малов Н.М. Памятники хвалынской культуры валиковой керамики Поволжья и некоторые вопросы их связи с восточными культурами эпохи поздней бронзы / Н.М. Малов // М.П. Грязнов и его место в археологии, теория и методика археологии, каменный и бронзовый века, скифская проблема: тез. докл. обл. конф. – Омск, 1987. – С. 142-143.

Мамонтов В.И. Курганный могильник Антонов I / В.И. Мамонтов // Древности Волго-Донских степей. – Вып. 4. – Волгоград: Перемена, 1994. – С.15-46.

Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника у озера Подгорное / В.И. Мамонтов // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. – Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – С. 46-89.

Мамонтов В.И. Нестандартные погребальные обряды сарматов / В.И. Мамонтов // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. – Астрахань: Изд-во Астрахан. ун-та, 2010. – С. 179-185.

Матвеев А.В. Предварительные итоги работ 1999 и 2000 гг. на поселении Щетково-2 в Ингальской долине / А.В. Матвеев, О.М. Аношко, Т.С. Измер // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Вып. 3. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 213-216.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья / С.В. Махортых. – К.: Шлях, 2005. – 380 с.

Мельников Е.Н. Материалы финала поздней бронзы с территории Верхнего Подонья // Археологические памятники Восточного Европы. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 2002. – С. 112-119.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Николаева Н.А. Исследование курганной группы у с. Джангр Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 году. – М., 1985а. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 10969, 10969-а.

Николаева Н.А. Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской системы (КАРОС) на землях совхоза Джангар Октябрьского района Калмыцкой АССР в 1985 г. – М., 1985б. – Архив ИА РАН. – Р-1, – № 10970, 10970-а.

Нечитайло А.Л. Отчет о раскопках курганов у станицы Усть-Джегутинской Ставропольского край в 1964 году. – Ставрополь, 1985. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 2872.

Новичихин А.М. Население Западного Закубья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников) / А.М. Новичихин. – Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. – 220 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополненное / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Отрощенко В.В. Белозерская культура / В.В. Отрощенко // С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 117-152.

Отрощенко В.В. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры / В.В. Отрощенко, Н.П. Шевченко // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 131-144.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / В.В. Отрощенко. – К., 2001. – 288 с.

Отчет Императорской археологической комиссии за 1900 год. – СПб., 1902. – 174 с.

Панковський В.Б. Нові дані про виробництво вістер поворотних гарпунів у період пізньої бронзи / В.Б. Панковський, К.В. Горбенко // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ: Шлях, 2005. – С. 107-110.

Парусимов И.Н. Раскопки курганов могильника Рябичев / И.Н. Парусимов // Труды АНИБ. – Т. IV. – Ростов н/Д, 2009. – С. 26-73.

Подобед В.А. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // ДАЗ. – № 16. – Донецк: Вид-во Донецьк. ун-ту, 2013. – С. 194-245.

Попандопуло З.Х. Курганные могильники у сел Новоукраинка Вольнянского района / З.Х. Попандопуло, О.А. Шмакова // ССПК. – Т. VII. – Запоріжжя, 1999. – С. 155-171.

Потапов В.В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры / В.В. Потапов // РА. – 1993. – № 3. – С. 218-220.

Потапов В.В. Погребения XII-X в. до н.э. в Волго-Донских степях (к проблеме отбора источников) / В.В. Потапов // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей. – Саратов: Изд-во Саратов. пединститута, 1997. – С. 128-129.

Потапов В.В. Памятники конца эпохи поздней бронзы на р. Смела / В.В. Потапов // Донская археология. – 2000. – № 3-4. – С. 62-69.

Потапов В.В. Об одной группе погребений из Саратовского Поволжья / В.В. Потапов // Степи Евразии в древности и средневековье: в 2 кн.. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 213-216.

Потапов В.В. Погребение с набором украшений в низовьях р. Сал / В.В. Потапов // МДАСУ. – Вип. 7. – Луганськ: Вид-во СУНУ, 2007. – С. 269-273.

Потапов В.В. Курганы Западного Маныча / В.В. Потапов // Археологические записки. – 2007. – Вып. 5. – С. 115-143.

Потапов В.В. Пластинчатые височные кольца на Нижнем Дону и в Предкавказье / В.В. Потапов // РА. – 2010а. – № 1. – С. 155-162.

Потапов В.В. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т археол. РАН. – М., 2010б. – 26 с.

Потапов В.В. К вопросу о финальной дате кобяковской культуры на Нижнем Дону / В.В. Потапов // Материалы круглого стола “Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии”. – СПб., 2011. – С. 34-38.

Потапов В.В. Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблемы появления и исчезновения / В.В. Потапов // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 325-346.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т.М. Потемкина. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Прокофьев Р.В. Курганы с камнем на правом берегу Северского Донца / Р.В. Прокофьев //

ИИАИАНД в 2003 г. – Азов: Азовский музей-заповедник, 2004. – Вып. 20. – С. 240-326.

Прокофьев Р.В. Поселение Малаховский Ерик II в дельте Дона / Р.В. Прокофьев, В.В. Потапов // Донская археология. – 2000. – № 1. – С. 45-55.

Ромашко В.А. Некоторые особенности погребального обряда чернолесской культуры левобережья Днепра / В.А. Ромашко // ПАП III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1984. – С. 106-114.

Ромашко В.А. Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи Левобережной Украины (XII-X вв. до н.э.) / В.А. Ромашко. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1995. – 92 с.

Ромашко В.А. “Чернолесская” столовая посуда культур позднего бронзового века Левобережной Украины / В.А. Ромашко // ПАП. – Вып. 1. – Днепропетровск: Вид-во Днепр. ун-ту, 1998. – С. 79-95.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) / В.А. Ромашко – К.: КНТ, 2013. – 592 с.

Самар В.А. Курган срубного времени из Приазовья / В.А. Самар // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 125-136.

Саяпин В.В. Отчет о раскопках курганного могильника Отрадный II экспедицией Ростовского археологического центра в 1990 году. – Ростов н/Д, 1991. – Архив ИА РАН. – Р-1. – № 16846, 17318, 17319.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Изд-во Ворон. педун-та, 1996. – 350 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1959. – № 60: Памятники Нижнего Поволжья. – Т. I. – С. 206-322.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы / К.Ф. Смирнов // МИА. – 1960. – № 78: Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции): в 2 т. – Т. I. – С. 169-268.

Сорокина И.А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье / И.А. Сорокина // СА. – 1985. – № 3. – С. 136-151.

Степаненко Д.В. Погребальный обряд ирменской и позднеирменской культур: опыт многомерного статистического анализа: автореф. дис. на соискание учен. степени канд. ист. наук: спец. 07.00.06 “Археология” / Ин-т АЭТ СО РАН. – Новосибирск, 2012. – 33 с.

Стоянов Р.В. Погребенные в скорченном положении в греческих некрополях Причерноморья: состояние проблемы и перспективы ее решения / Р.В. Стоянов // Матер. междунар. науч. конф.: Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002. – Ч. 2. – С. 297-302.

Супруненко О.Б. Дослідження курганів поблизу с. Кузменки на нижньому Пслі / О.Б. Супруненко // АДУ 2011 р. – К.: Волинські старожитності, 2012. – С. 374-376.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы / А.А. Ткачев – Тюмень: Изд-во ТюмГИГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.

Троицкая Т.И. Памятник Крохалевка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы / Т.И. Троицкая, О.В. Софеев // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990. – С. 63-72.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции / Сост. И.Н. Парусимов. – Новочеркасск, 1997. – Вып. 2. – 67 с.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции / Сост. И.Н. Парусимов. – Азов, 1999. – Вып. 4. – 85 с.

Тугушев П.Е. Городище “Петровский городок” у с. Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования / П.Е. Тугушев // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 9. – Саратов: Издательский дом “Полиграфия Поволжья”, 2009. – С. 91-104.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменное II / А.Н. Усачук // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век): матер. междунар. конф.: в 2 ч – Донецк, 1996. – Ч. 2. – С. 21-27.

Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения срубной культуры у хутора Красный Яр на

Дону / А.Н. Усачук // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 173-180.

Халиков А.Х. Древняя история среднего Поволжья / А.Х. Халиков. – М.: Наука, 1969. – 396 с.

Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского Лесостепного междуречья / А.А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 5: Охрана и исследования в 2001 г. – Саратов: Научная книга, 2003. – С. 103-128.

Хреков А.А. Тростянский курган и некоторые вопросы древней истории Волго-Донского лесостепного междуречья / А.А. Хреков // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 6. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 5-19.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С.С. Черников // МИА. – 1960. – № 88. – 272 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР / Е.Н. Черных. – М.: Наука, 1976. – 302 с.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии / Е.Н. Черных // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1983. – С. 81-99.

Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. / И.Т. Черняков. – К.: Наук. думка, 1985. – 172 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: предананьинская и ананьинская культурно-исторические области / А.А. Чижевский. – Казань: РИЦ Школа, 2008. – 172 с.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. / И.Н. Шарафутдинова. – К.: Наук. думка, 1982. – 160 с.

Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) / Э.С. Шарафутдинова // САИ. – Вып. В1-11. – Л.: Наука, 1980. – 128 с.

Шарафутдинова Э.С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья / Э.С. Шарафутдинова // Срубная культурно-историческая общность. – Куйбышев, 1985. – С. 146-183.

Шарафутдинова Э.С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье / Э.С. Шарафутдинова // СА. – 1991. – № 1. – С. 184-196.

Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани / Э.С. Шарафутдинова // Древние культуры Прикубанья. – Л.: Наука, 1991. – С. 70-91.

Шарафутдинова Э.С. Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-западного Кавказа / Э.С. Шарафутдинова // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э.: матер. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Иессена. – СПб., 1996. – С. 93-95.

Шарафутдинова Э.С. О двух группах погребений предскифского времени в Северном Причерноморье / Э.С. Шарафутдинова, О.Р. Дубовская // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во Кемер. ун-та. 1987. – С. 27-38.

Шарафутдинова Э.С. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире (юг Среднего Подонья.) / Э.С. Шарафутдинова, В.Г. Житников. – СПб.: Филол. ф-т СПб. ГУ; Нестор-История, 2011. – 180 с.

Шарафутдинова Э.С. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье / Э.С. Шарафутдинова, В.Н. Каминский // СА. – 1988. – № 4. – С. 214-221.

Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.) / Д.Б. Шелов // МИА. – 1961. – № 98. – 94 с.

Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.) / Н.И. Шишлина // Труды ГИМ. – Вып. 165. – М., 2007. – 400 с.

Яценко В.В. Отчет о раскопках курганов могильников Юдинский III и Орловский I в Родионово-Несветайском и Орловском районах Ростовской области в 1997 году. – Ростов н/Д, 1998. – Архив АНИБ. б/н.

**СПИСОК
финальнобронзовых погребений Подонья, Низовий Волги и степного Предкавказья**

Группа I

№ п/п	№ в списке ³¹	Название погребения	№ п/п	№ в списке	Название погребения
1	2	3	4	5	6
I - А			I - Б		
1	1	Арпачин II-5-11	41	29	Северный II-10-4
2	2	Балабинский I-10-12	42	36	Южный 3-1
3	3	Бессергеновский-1-2	43	40	Лебеди I-3-4
4	5	Донской-6-9	44	44	Ипатовский курган- 4
5	8	Койсуг 4-38	45	46	Ипатовский курган- 8
6	10	Колдыри-14-10	46	49	Ипатовский курган-11
7	11	Крепинский I-18-9	47	54	Красногвардейское-1-19
8	15	Мартышкина Балка- 92	48		Улан-Толга-4-5
9	16	Октябрьский I-1-1			
10	23	Русский Колодец XVI-3-10			
11	25	Салок I- 27			
12	26	Салок I-42			
13	27	Северный II-2-4			
14	31	Холодный IV-2-4			
15	33	Центральный IV-7-3			
16	34	Черный II-1-6			
17	37	Анапский I-2-3			
18	38	Батурицкий I-9-10			
19	42	Пролетарский-1-6			
20	43	Золотаревка I-25-8			
21	45	Ипатовский курган-5			
22	47	Ипатовский курган- 9			
23	50	Ипатовский курган-12			
24	52	Ипатовский курган-34			
25	53	Красногвардейское-1-6			
26	57	Тростянка-8-1			
27	65	Барановка-2-6			
28	66	Кривая Лука V-5-9			
29		Западенский-1-3			
30		Новопалестинский II – 5-7			
31		Аюта-I-1-16			
32		Отрадный II-23-2			
33		Южный-2-5			
34		Орловский I-1-12			
35		Золотаревка-6-6-1			
36		Ипатово-3-5-1			
37		Джангр-9-8			
38		Усть-Джегута-32-17			
39		Садовый-2-19			
40		Ипатово-3-2-161			

³¹ Приложения 1 к статье: [Подобед и др. 2012, с. 231-233].

Группа II

1	2	3	4	5	6
II - А			II - Б		
49	17	Отрадный II-4-1	55	4	Высочино V-29-9
50	19	Отрадный II- 15-8	56	18	Отрадный II-7-6
51	28	Северный II-9-6	57	32	Целинский III-3-2
52	35	Шахаевский II-2-11			
53	48	Ипатовский курган-10			
54		Кривая Лука XXXIV-2-3			

Погребения, не вошедшие
в обрядовые группы

58	6	Кастырский VII-1-15
59	7	Кировский I-3-6
60	9	Койсуг -5-10
61	12	Криволиманский III-3-1
62	13	Лакедемоновка I-4-4
63	14	Ливенцовский IV-1
64	31	Холодный IV-2-4
65		Буйвола 1-4-7

Приложение 2

Оrientировки по группам/подгруппам

№ группы	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	С
гр. I-а	10/25%	16/40%	14/35%			
гр. I-б	2/25%	4/50%	2/25%			
гр. I в целом	12/25%	20/41,5%	16/33,5%			
гр. II-а				6/100%		
гр. II-б				3/100%		
гр. II в целом				9/100%		
вне групп	1/12,5%	1/12,5%		1/12,5%	2/25%	3/37,5%
ВСЕГО	13/20%	21/32,3%	16/24,6%	10/15,4%	2/3,1%	4,6%

Приложение 3

Варианты положения рук

Группа/подгруппа	I	II	III	IV	V	Единичные варианты	Неполная информация
Подгруппа I-А	13/26%	2/4%	3/6%	5/10%	3/6%	3/6%	11
Подгруппа I-Б	4/8%	1/2 %	-	1/2%	2/4%	-	-
Группа I в целом	17/34%	3/6%	3/6%	6/12%	5/10%	3/6%	11
Подгруппа II-А	3/6%	1/2%	-	-	1/2%	-	1
Подгруппа II-Б	-	-	2/5,4%	-	-	-	1
Группа II в целом	3/6%	1/2%	2/4%	-	1/2%	-	2
Вне вариантов	2/4%	-	1/2%	1/2%	-	2/4%	2
Итого	22/44%	4/8%	6/12%	7/14%	6/12%	5/10%	15

Распределение инвентаря по группам

Признаки	Группы захоронений						
	Группа I			Группа II			вне групп
	Ia	Iб	всего	IIa	IIб	всего	
Кости животных	10	1	11	2	1	3	1
Сосуд	9	2	11	5	2	7	3
Фрагменты керамики		1	1				1
Бронзовый нож	14	2	16				1
Бронзовое шило	4		4				
Бронзовая игла	2		2				1
Костяное пряслице	2	1	3	1	1	2	2
Пест	1		1				
Оселок	1	1	2		1	1	
Костяная стрела	2		2				
Костяная втулка	1		1				
Бронзовая бляшка с петелькой	7		7				
Бронзовая бляшка	4	1	5				
Костяная бляшка		1	1				
Бронзовая пластина	1	1	2				
Бронзовый «перстень»	1		1				
Бронзовые бусы	5		5				
Бронзовая пронизь	6		6				
Металлическая пластинчатая подвеска	11		11				1
Бронзовая проволоочная подвеска	4		4				1
Бронзовая цепочка	1		1				
Пастовые бусы	4		4				1
Костяная пронизь	1		1				1
Костяные бусы	1		1				1
Наборной браслет из бронзовых пронизей		1	1				
Астрагалы	2		2				
Кремень	9	2	11				1
Раковины	1		1				
Сера	6	2	8				
«Сосуд» из желтой массы	1		1				
Смола?	1		1	1		1	
Куски мела	1		1				
Бронзовая обойма	1		1				
Костяная «застежка»	1		1				
Костяное изделие неясного назначения	2		2				

Половозрастные определения

ОГ	№	Комплекс	пол	возраст	Определения
I-A	1	Бессергеновский-1-2		взрослый	
	2	Донской-6-9	жен.	взрослый	Б.В. Фирштейн
	3	Западенский –1-3		5-7 лет	
	4	Русск. Кол. XVI-3-10		ребенок	
	5	Аюта I-1-16	муж.	старше 30 л	Е.Ф. Батиева
	6	Койсуг-4-38		взрослый	
	7	Мартышкина балка п. 92		взрослый	
	8	Арпачин II-5-11		взрослый	
	9	Крепинский I-18-9		взрослый	
	10	Колдыри-14-10	муж.	25-30 лет	
	11	Северный II-2-4		взрослый	
	12	Новопалестинский II-5-7		взрослый	
	13	Красногвардейское-6		взрослый	
	14	Золотаревка I-25-8	муж.	25-35 лет	
	15	Орловский I-1-12	муж.	35-40 лет	Е.Ф. Батиева
	16	Балабинский I-10-12		ребенок?	
	17	Салок I- 27	жен.	35-45 лет	Е.Ф. Батиева
	18	Салок I- 42	жен.	30-40 лет	Е.Ф. Батиева
	19	Центральный IV-7-3		взрослый	
	20	Холодный IV-2-4		взрослый	
	21	Черный II-1-6	муж.	40-45 лет	Е.Ф. Батиева
	22	Отрадный II-23-2		взрослый	
	23	Южный 2-5		ребенок	
	24	Октябрьский I-1-1		старше 30 л.	Е.Ф. Батиева
	25	Ипатово 5-5-1			
	26	Ипатовский курган-5	муж.	35-45 лет	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	27	Ипатовский курган- 9	муж.	45-55 лет	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	28	Ипатовский курган-12	жен.	старше 55 л.	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	29	Ипатовский курган-34	муж.	45-55 лет	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	30	Кривая Лука V-5-9	жен.	взрослая (<i>matur</i>)	Л.Т. Яблонский
	31	Тростянка-8-1		взрослый?	
	32	Джангр-9-8		подросток	
	33	Усть-Джегута-32-17			
	34	Садовый-2-19			
	35	Ипатово-3-2-161	ребенок	3-4 года	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	36	Золотаревка 6-6-1	муж.	старше 55 л.	
	37	Анапский I-2-3			
	38	Батуринский I-9-10			
	39	Пролетарский-1-6			
	40	Барановка-2-6		подросток	

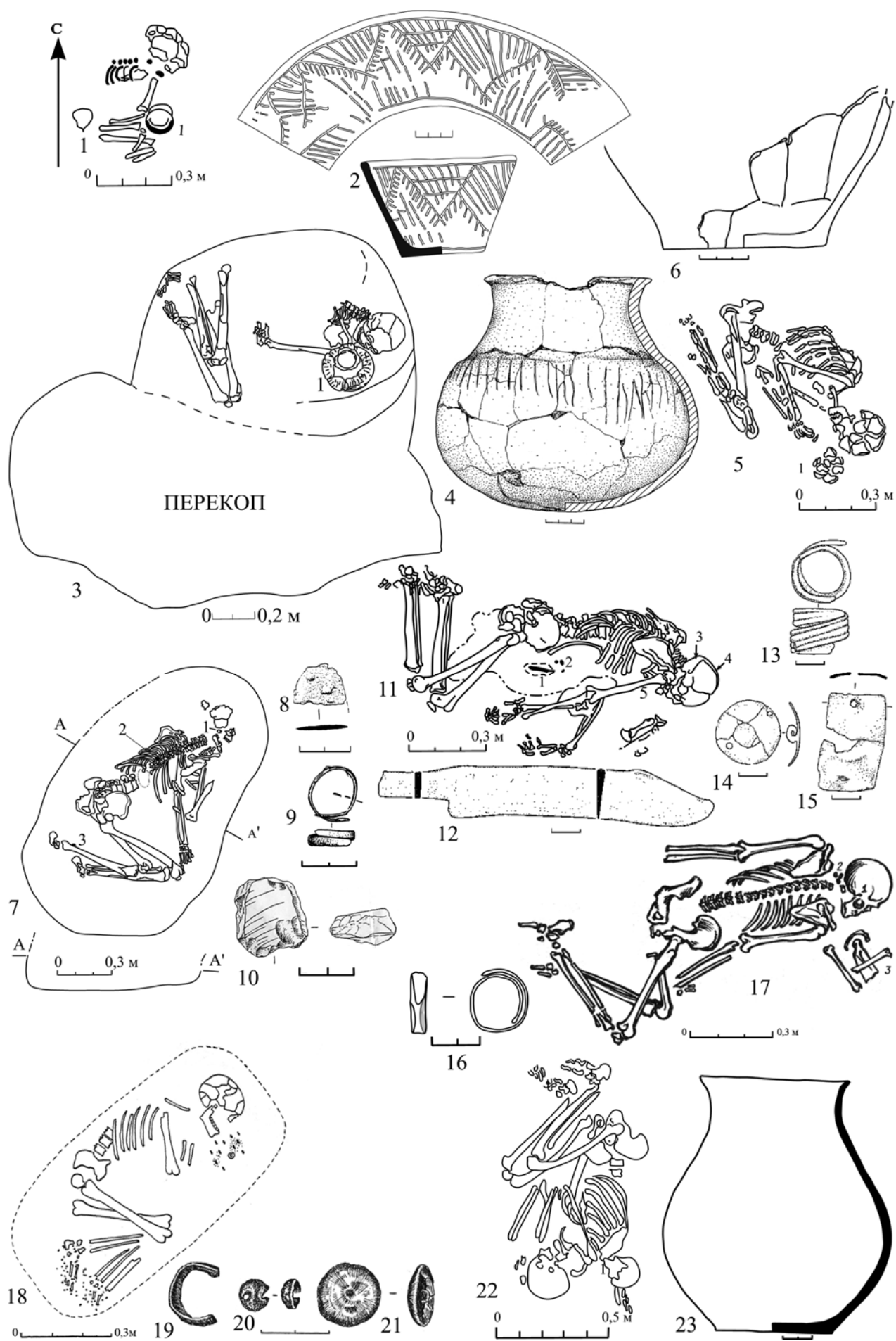
II-A	1	Отрадный II-4-1		взрослый	
	2	Отрадный II-15-8		7-9 лет	Е.Ф. Батиева
	3	Северный II-9-6		?	
	4	Шахаевский II-2-11		взрослый	
	5	Ипатовский курган-10	жен.	старше 55 л.	
	6	Кривая Лука XXXIV-2-3		ребенок	
II-B	1	Высочино V-29-9		до 12 л.	
	2	Отрадный II-7-6	жен.	старше 30 л.	Е.Ф. Батиева
	3	Целинский III-3-2	муж.	30-35 л.	Е.Ф. Батиева
вне групп	1	Кастырский VII-1-5			
	2	Кировский I-3-6	жен.	20-30 л.	Е.Ф. Батиева
	3	Койсуг-5-10		взрослый	
	4	Криволиманский III-3-1		35-40 л.	
	5	Лакедемоновка I-4-4		взрослый	
	6	Ливенцовский IV-1		взрослый	
	7	Холодный I-1-1		взрослый	
	8	Буйвола 1-4-7		подросток	

ОГ	№	Комплекс	пол	возраст	Определения
I-B	1	Красногвардейское-19		взрослый	
	2	Северный II-10-4		взрослый	
	3	Южный 3-1		взрослый	
	4	Лебеди I-3-4	муж.	взрослый	
	5	Ипатовский курган-4		ребенок	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	6	Ипатовский курган-8	муж.	35-45 л.	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	7	Ипатовский курган-11		ребенок 11-12 л.	М.М. Герасимова, Д.М. Пежемский
	8	Улан-Толга-4-5	муж.	взрослый	

Рис. 1. Погребения финальной бронзы Нижнего Дона, Предкавказья и Нижнего Поволжья →

Fig. 1. Burials of the final of Bronze Age from the Lower Don River territory, the Caucasus and the Lower Volga River →

Западенский 1-3: 1 – план погребения (1 – сосуд), 2 – сосуд; Аюта I-1-16: 3 – план погребения (1 – сосуд), 4 – сосуд; Отрадный II-23-2: 5 – план погребения (1 – сосуд), 6 – сосуд; Орловский I-1-12: 7 – план погребения (1 – височное кольцо, 2 – кремь, 3 – фрагмент ножа), 8 – фрагмент бронзового ножа, 9 – бронзовое височное кольцо, 10 – кремь; Новопалестинский II-5-7 11 – план погребения (1 – нож, 2 – пластинка, 3 – бронзовая бляшка, 4 – височное кольцо, 5 – бусы, 6 – кости МРС), 12 – бронзовый нож, 13 – бронзовое височное кольцо, 14 – бронзовая бляшка, 15 – бронзовая пластинка; Кривая Лука V-5-9: 16 – бронзовое височное кольцо, 17 – план погребения (1 – височное кольцо, 2 – бронзовая цепочка, 3 – кости животного); Усть-Джегута 32-17: 18 – план погребения, 19 – бронзовое височное кольцо, 20 – бронзовая нашивная бляшка, 21 – бронзовая бляшка-пуговица; Шахаевский II-2-11: 22 – план погребения, 23 – сосуд.

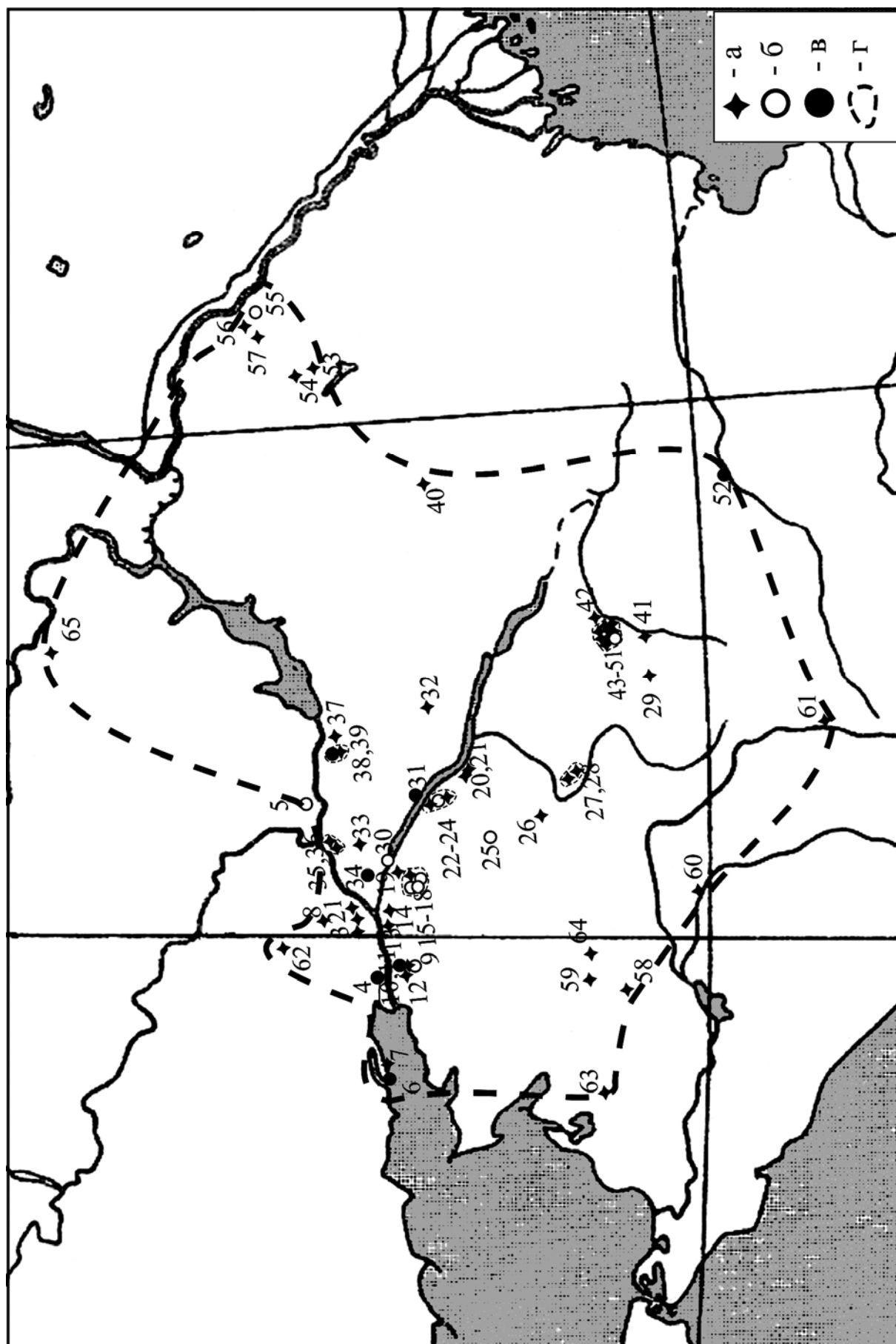

Рис. 2. Карта распространения финальнобронзовых погребений по группам
Fig. 2. Distribution map the Bronze Age Ending burials in groups

← **Рис. 2.** Карта распространения финальнобронзовых погребений по группам:

← **Fig. 2.** Distribution map the Bronze Age Ending burials in groups:

1 – Бессергеновский 1-2; **2** – Донской 6-9; **3** – Западенский-1-3; **4** – Ливенцовский IV-1; **5** – Кастырский VII-1-5; **6** – Лакедемоновка I-4-4; **7** – Русский Колодец XVI-3-10; **8** – Аюта I-1-16; **9** – Высочинно V-29-20; **10** – Койсуг 4-38; **11** – Койсуг 5-10; **12** – Мартышкина балка-92; **13** – Арпачин II-5-11; **14** – Крепинский I-18-9; **15** – Отрадный II-4-1; **16** – Отрадный I-7-6; **17** – Отрадный II-15-8; **18** – Отрадный II-23-2; **19** – Колдыри 14-10; **20** – Южный 2-5; **21** – Южный 3-1; **22** – Северный II-2-4; **23** – Северный II-9-6; **24** – Северный II-10-4; **25** – Целинский III-3-2; **26** – Новопалестинский II-5-7; **27** – Красногвардейское-6; **28** – Красногвардейское-19; **29** – Золотаревка I-25-8; **30** – Шахаевский II-2-11; **31** – Кировский I-3-6; **32** – Орловский I-1-12; **33** – Балабинский I-10-12; **34** – Криволиманский III-3-1; **35** – Салок I-27; **36** – Салок I-42; **37** – Центральный IV-7-3; **38** – Холодный I-1-1; **39** – Холодный IV-2-4; **40** – Черный II-1-6; **41** – Золотаревка 6-6-1; **42** – Ипатово 3-5-1; **43** – Ипатово 3-2-5; **44** – Ипатово 3-2-7; **45** – Ипатово 3-2-8; **46** – Ипатово 3-2-9; **47** – Ипатово 3-2-10; **48** – Ипатово 3-2-11; **49** – Ипатово 3-2-12; **50** – Ипатово 3-2-34; **51** – Ипатово 3-2-161; **52** – Буйвола 1-4-7; **53** – Джангр 9-8; **54** – Улан-Толга 4-5; **55** – Кривая Лука XXXIV-2-3; **56** – Кривая Лука V-5-9; **57** – Барановка 2-6; **58** – Пролетарский I-6; **59** – Батуринский I-9-10; **60** – Садовый 2-19; **61** – Усть-Джегута 32-17; **62** – Октябрьский I-1-1; **63** – Лебеди I-3-4; **64** – Анапский I-2-3; **65** – Тростянка 8-1.

Условные обозначения: **а** – I группа, **б** – II группа, **в** – погребения вне групп, **г** – границы ареала погребений финальной бронзы Нижнего Дона, Предкавказья и Нижнего Поволжья.